

Изабелла Гриневская

Баб

Драматическая поэма из истории Персии

В 5 действиях и 6 картинах

Издание второе
Петроград, 1916

ImWerden, München, 2007
<http://imwerden.de>

Предисловие к изданию 1903 года.

Баб или «дверь истины» — прозвище Али Мохаммеда, основателя одной из самых распространенных и влиятельных в Персии сект, возникшей в начале 40-х годов прошлого столетия.

Несмотря на то, что судьба этой удивительной личности полна трагического интереса, и явления, сопровождавшие возникновение этой секты, так значительны, что известный исследователь бабизма А. Г. Туманский причисляет их к величайшим мировым событиям девятнадцатого века—имя Баба и его учение мало известны у нас даже в образованной среде.

В предлагаемой драме воспроизведена эта эпоха новейшей истории Персии на основании наиболее достоверных источников, каковы: исследования покойного профессора Казем-Бека, бывшего начальника Учебного Отделения Восточных языков Азиатского Департамента Гамазова, труды А. Г. Туманского и мн. др.

И. Г.

Примечания издателя электронной книги.

Настоящий текст пьесы «Баб» Изабеллы Аркадьевны Гриневской (1864—1944) был введен в компьютер с микрофильмов второго издания 1916 года.

Несмотря на то, что в российских и зарубежных библиотеках имеется немало экземпляров этой пьесы, все они, как правило, не подлежат выдаче на дом.

Мотивация настоящего издания — предоставить широким кругам читателей возможность познакомиться с текстом этой пьесы, представляющей, на мой взгляд, большой художественный интерес.

Микрофильм, с которого был введен текст, удалось сделать в свое время в тогдашней «Ленинке» (Москва). Качество этого микрофильма было настолько плохим, что об автоматическом распознавании текста не могло быть и речи. После долгих проб, страницы были сосканированы как изображения и введены вручную.

При этом было принято решение вводить текст в современной орфографии с одновременным переводом устаревших грамматических единиц к сегодняшней норме. Восточные термины и имена собственные оставлены без изменения.

Выражаю благодарность Сергею Прохорову (Коломна) за советы и моральную поддержку.

С. К.

*18 Ала 163 по календарю бахаи
2007-03-19*

Действующие лица *

Хаджи Мухамед Салиха	(Муджтахид, важное духовное лицо).
Хурет Аль-Айн (Свет очей)	дочь его, также Тагирэ (чистейшая).
Зейнеб	ее няня
Салман	евнух в зендеруне (гарем муджтахиды)
Саттар	один из приближенных слуг его
Али Мухамед,	известный под именем Баб (Дверь Истины)
Сальгэ	} молодые девушки, прислужницы Хурет
Сальмэ	
Фатима	
Зорайя	
Аббаса	
1 девушка	
2 девушка	
3 девушка	
1 рабыня	
2 рабыня	
3 рабыня	
Ханиф,	пожилая женщина, прислужница у Хурет
Манут Хан,	калантар Ширази, 38 л.
Джафар,	главный евнух, 50 л.
Мирза Агка Мухамед Али,	землевладелец
Мирза Гуссейн Бушруи,	30 л. } братья
Сеид Гусейн,	21 г.
Сеид Гассан	19 л.
Сеид Ахмед,	
Цирульник 1-ый	
Цирульник 2-ой	
Дервиш	
Деннан (комиссионер)	
Фагир (нищий)	
Богатый купец	
Слепой старик (дервиш)	
Мальчик, его вожатый	
Первый воин	
Второй воин	
1-я женщина	
2-я женщина	
Продавец свеклы	

* Здесь приведены действующие лица всей пьесы. Далее при каждом действии предпосылаются действующие лица данного действия.

Продавец сладостей
 Продавец шербета
 Меняло
 Кальянчи
 1 прохожий
 2 прохожий
 3 прохожий
 1 земледелец
 2 земледелец
 Ассад (молодой поэт)
 Начальник дозора
 Муриды (последователи) Баба
 Мемагани
 Багкир } судьи
 Мирза Ахмед }
 Абдул
 Тюремный страж
 Музафер, медник
 Айваз, его друг
 1 }
 2 } из народа
 3 }
 4 }
 5 }
 Гонец
 Старик Сеид
 1 } женщины из Тавриза
 2 }
 Отец
 Сын (юноша 14 л.)
 1 } воины
 2 }
 Богатый старец
 1 } торговцы шербета из Тавриза
 2 }
 1 }
 2 } торговцы роз.
 3 }

Евнухи и девушки в эндеруне, музыканты, танцовщики, свита Салиха, свита Джафара, свита муджтахиды, свита калангара, торговцы, ферраши, муриды Баба, слуги судей, народ в Ширазе, народ в Тавризе, женщины, мирзы, танцовщики, музыканты, солдаты, воины, стража и т. п.

Действие 1 .

Действующие лица :

Хаджи Мухамед Салиха	(Муджтахид, важное духовное лицо).
Хурет Аль-Айн (Свет очей)	дочь его, также Тагирэ (чистейшая).
Зейнеб	ее няня
Салман	евнух в эндеруне (гарем муджтахиды)
Саттар	один из приближенных слуг его
Али Мухамед,	(известный впоследствии под именем Баб, Дверь Истины)
Сальгэ	} молодые девушки, прислужницы Хурет
Сальмэ	
Фатима	
Зорайя	
Аббаса	
1 девушка	
2 девушка	
3 девушка	
1 рабыня	
2 рабыня	
3 рабыня	
Ханиф,	пожилая женщина, прислужница у Хурет
Евнухи и девушки в эндеруне.	

Действие происходит в Персии, в г. Ширазе в 1837 году в эндеруне (гареме) Мухамед-Салиха.

Обширная зала в эндеруне Мухамед-Салиха. Сплошь зеркала в рамах арабского стиля. С потолка свешиваются три люстры из цепочек граненого хрусталя. На полу роскошный ковер. На нем вдоль одной стены (у авансцены) подушки. Зала разделена рядом колонн, между ними бьет фонтан. Бассейн уставлен розами. В вазах цветы. Колонны увиты вьющимися цветами. Сквозь окна и двери виднеется роскошный сад окружающий эндерун. Столики, низкие табуреты и т.п. Слево, ближе к авансцене, широкая дверь.

Другие три двери задрапированы коврами. Одна, ближе к авансцене, ведет в отделение для девушек, прислужниц, (направо) другая, в глубине, в покои евнуха, третья (слево) потайная, через которую имеет доступ только глава дома.

Явление I.

Зейнеб и Салман

Зейнеб

Зейнеб сидит на ковре среди подушек и бросает перед собою бобы для гадания.

Салман

(Входит из боковой двери, за ним два евнуха, которые несут подносы: на одном сласти, на другом лежат светнутые куски материи, разные филигранные ларцы и т. п.)

Зейнеб, наш господин шлет дочери подарки,
И свой привет он шлет,
Слова его любви, как изумруды яркие!
Пускай лишь хорошо Хурет себя ведет.

Зейнеб

Худое в ней найти вы можете едва ли!

Салман

Все худо, все, Зейнеб! Чтоб книги день и ночь
Ирана дочери без усталы читали —
Не слыхивал никто. Хаджи Махмеда дочь
С пеленок, точно муж, в Коран вся погрузилась.
Как будто в мудрецы готовится она,
В Муджтахиды. Ха, ха...

Зейнеб

Все это вам приснилось.

Салман.

Должна быть женщина свежа, мила, полна,
А мудрость сушит грудь и ясный взор туманит.
Ученого, Зейнеб, ничто не веселит —
Ни красота колонн, ни блеск зеркальных плит;
Все кажется пустым ему, на что ни взглянет.
А девушка всегда должна быть весела,
Чтоб мужу своему доставить счастье, радость,
Чтоб в дом с собой она тепло и свет внесла,
Угрюмую жену иметь — какая сладость?

Зейнеб.

Еще скажи, тебе не нравится что в нас?

Салман.

Что с Хадидже она все проводила время.

Зейнеб

Какое в этом зло?

Салман.

Да вот, мой зоркий глаз
Заметил зреющим любви дурное семя,
Не Хадидже, а сын ее к себе влечет.
Ходить к вам в эндерун ему уж не годится;
Что видит глаз, язык тебе сказать боится.
Но господину я во всем отдам отчет.

Зейнеб.

(Смущенно)

Он ей молочный брат. К чему тут разговоры?
И то... не ходит к нам.

Салман

(Знаком приказывает слугам уйти)

Не мальчик больше он!
Недавно был у вас! Ну, передай поклон,
И сласти передай, и эти вот уборы.
Пусть ей Аллах пошлет, как птичке, сладкий сон,
Чтоб спать могла без книг. Наш господин, быть может,
И сам сюда придет. Что он устал теперь,
Что грустен, ей скажи!

(Таинственно)

Его она тревожит.

Зейнеб

(С укором)

К тревоге сам ему ты открываешь дверь.

Салман

В любимцах никогда нет ничего худого!
Не видеть ничего я был бы тоже рад.

Зейнеб

Ведь сын кормилицы ей дорог лишь как брат.
Училась вместе с ним ведь у отца родного
Она с младенчества. Для вас не ново,
Что я вам говорю, ей дорог он как брат.
Скажите, наконец, что видите такого?..

Салман

«Как брат», «как брат»,
Тебе сказал сейчас. Не повторять стократ.

Зейнеб

Али к нам в эндерун наш господин без спроса
Позволил приходить!

Салман

Позволить все готов
Он дочери своей — не может быть вопроса,
То хорошо иль нет. Скажу без лишних слов,
Что он раскается; страны древнейших правил
Не хочет знать. Свой дом, как у ференги поставил
Точь-в-точь,
Вот, замуж до сих пор не отдает он дочь.

Зейнеб

Не вам его учить, что делает — сам знает.

Салман

Кто жизнь по-новому прожить захочет вдруг,
Кто недозревший хлеб поспешно пожинает,
Тот враг себе — не друг,
Сам виноват во всем.

Зейнеб

Беду ты накликаешь...
О, замолчи, прошу... Она легка на зов!
О счастья Хурет здесь думаешь, гадаешь...

Салман

(Прерывая)

От дел все станется, а не от страшных слов,
Довольно говорить, в том нет, я вижу, толку.
Не хочешь ты понять никак речей моих.
Есть новость: говорят покуда втихомолку,

Что знатный за Хурет посватался жених.
И надо, чтоб она была свежа, красива.

Зейнеб

По твоему Хурет не хороша, дурна?

Салман

Уж я сказал тебе: Хурет не шаловлива,
Грустна, задумчива, как на небе луна.
Что годно для луны на небе, меж звездами —
Не нужно девушке, что ходит по земле.
Девушка женщиной становится с годами;
Ей знать полезнее, что варится в котле,
Чем то, что сказано поэтами когда-то.
Рабынь купили ей; умеют петь, играть: —
Чтобы «духовного» забыла с ними брата...
За этим, впрочем, я уж буду надзирать.
(Уходит)

Явление II

Зейнеб одна.

Зейнеб

Жестокое сказать запрета слово
Ему легко. Ее ребенком он не знал,
Не знает горестей он времени былого,
Как я над нею — он не плакал, не стонал.
(Продолжает гадать).

Явление III

Хурет

(Входит с книгой, читает)

Зейнеб

Читаешь, ласточка? Читай, твоя старуха
С вестями подождет! Ах, для души роса —
Корана каждый стих. Так сладостно для слуха,
Когда читаешь ты. Читай, моя краса!

Читай, чтобы Зейнеб твоя все понимала,
С арабского на наш язык
Переведи, дитя. А то в Коране мало
Понятного для нас. Мой ум теперь привык
Внимать святым речам.
Ах, мил небесный свет и старческим очам.

Хурет.

(Опускается к ногам Зейнеб и опирается об ее колени. Читает)

«Скажи: мы веруем в Бога и в то, что Он послал нам, в то, что Он открыл Аврааму, Измаилу, Иакову и двенадцати коленам; мы веруем в святыя книги, которые Моисей, Иисус и пророки получили с неба; мы не делаем между ними никакой разницы, мы преданы воле Божьей»...

«Наши Посланники приходили только для предостережения и проповеди; кто верует и творит добро, будет в безопасности от страха и не будет опечален!»

(Задумывается и перелистывает Коран)

Зейнеб.

(Воспользовавшись этой минутой, решает прервать свою любимицу).

Вот, ласточка моя, прислали тут нам сласти.

Хурет.

(Мечтательно и рассеянно)

Ты ворожила мне? Что будет, расскажи.
Я буду счастлива?

Зейнеб.

Все, все в Господней власти.
Не знаю, как сказать.

Хурет.

Еще наворожи!

Зейнеб.

Дорога вышла тут, широкая дорога.

Хурет.

Ну, это хорошо. А дальше, дальше что?

Зейнеб.

(Глядя на рассыпанные бобы, со скрытым страхом)

Тут спуталось, дитя... Оставим. Видишь, много

Скопилось вестей... Сказать должна я то,
Что говорил Салман...
(*Путаясь и заминаясь*)

Был день сегодня жаркий,
Здорова ль ты, дитя? Головка не болит?

Хурет.
Здорова, да.

Зейнеб.
Отец прислал тебе подарки.

Хурет.
А сам не приходил?

Зейнеб.
Он грустен, говорит Салман... Но ты взгляни...
(*Берет ожерелье*)

Ты видишь, как горит.
А это посмотри.
(*Берет газ*)

Какие тут узоры...

Хурет.
Да, очень хорошо! Грустит он почему?

Зейнеб.
Какая ткань! Еще! Какие тут уборы...
Не знаю, ласточка, что чудится ему.
Не затаилась ли в душе его кручина?
Когда сюда придет, его повесели.

Хурет.
Я так и сделаю.
(*Молчание*)

Но... какова причина, —
Что в эндерун давно не приходил Али?
Не заболел ли он? Ах, так бы я желала
Знать что-нибудь о нем. Узнай, Зейнеб, пойдиди...

Зейнеб.
Нет, не пойду, дитя. Я, кажется, сказала,
Что этого нельзя... Не то... нет... погоди...

Вам запретил отец видаться в эндеруне.
Купил тебе рабынь и дорогой убор,
Чтоб веселилась ты, чтоб не пропала втуне
Краса твоя, Хурет, чтоб ясен был твой взор...

Хурет.

Видаться запретил с Али?.. А мне казалось,
Что без причин все дни он к нам не приходил. Бывало, так случалось...
Чем рассердил отца? Тут нет ли западни?
Смотри, и мой отец вот целую неделю
Не заходил ко мне меня поцеловать.
Перед отцом его оклеветать успели!
Не знаешь ли, Зейнеб? не можешь ли узнать?

Зейнеб.

Али не брат родной... Не мальчик он, мужчина.

Хурет.

Нет, нет, не потому.

Зейнеб.

Так говорит Салман.

Хурет.

Ах нет, Зейнеб, поверь, другая есть причина...
Отец мне говорил... не запретил Коран
Мужчину принимать... Он говорил нередко,
Что жили женщины когда-то, в старину
Не как невольницы, иль птицы в тесной клетке...
С мужчиной наряду они свою страну
Всею жизнью своей победно защищали,
На смерть с мужьями шли.
Нет, нет, Зейнеб, не мог он запретить Али
К нам приходить, нет ... нет... Давно б мы это знали;
Отец бы нам сказал... Он не приходит сам.
Пойди к нему, Зейнеб!

Зейнеб.

Я шорох слышу там.

(Подходит к двери)

Нет, ничего... Отца то было повеленье...

Хурет.

Отца? Хотя бы так... Мы выпросим прощенье...
Когда узнает все... Я чую боль в груди...
Сюда ко мне Али сегодня приведи...
Прошу тебя, Зейнеб... Иначе заболēju.
Желаю, чтоб пришел. Ты слышишь, я хочу!
Чтоб был он здесь, со мной, все дни я мысль лелею.
Иначе я умру!

Зейнеб.

На крыльях полечу,
Все сделаю, дитя, чтоб ты была здорова.
Кто матушку твою растил?
Легко им говорить! А ранее, чем мил
Ей стал наш господин — кто утешенья слово
Ей в душу лил?
И кто берег тебя от глаза злого?
Кавказским песенкам кто, кто тебя учил?
Все я, твоя Зейнеб! Могу ль глядеть спокойно,
Чтоб глазки-звездочки туманились слезой?
Цветок взлелеянный, душистый, нежный, стройный,
Оставить под грозой!

Хурет.

За то, как мать свою, я так тебя любила.

Зейнеб.

Старалась заменить тебе родную мать;
Когда родилась ты — ее взяла могила,
И суждено тебе ласк матери не знать...
Ах, ласточка моя!

Хурет.

В душе моей смятенье:
Али... Его сюда, как хочешь, приведи,
Верни мне мой покой. Рассей мое сомненье!
Пусть явится ко мне. О, милая, пойдѝ!

Зейнеб.

Иду. Покойна будь... и не гляди уныло.
Как птичка на заре, ты будь так весела.
(Уходит)

Хурет.

(Провожая ее глазами)

Хочу, чтобы Али Зейнеб мне привела,
Пойди, Зейнеб, пойдиди!

Явление IV

Хурет одна.

Хурет.

Так хорошо здесь было.
Теперь так дико все... Из уст моих слова
Звучат в моих ушах, как будто бы в пустыне
Я их произнесла... Зейнеб права:
Услали Хадидже, чтоб ныне
И думать об ее не смела сыне.
Недавно, как родной, сюда он приходил,
И вдруг иначе стало;
Нам видеться нельзя, как прежде, как бывало:
Он по страницам книг вот здесь рукой водил,
Вот здесь мы с ним сидели,
Он книгу мне читал, иль вместе мы глядели
На розовый закат, как искрилась в лучах
Струя серебристая открытого фонтана!
А то старались мы в страницах и строках
Святого Алькорана
Угадывать судьбу... Сидит Хадидже тут,
На сына своего глядит в восторге нежном,
Проворных рук напрасно пальцы ждут!
То взором грустным он, то взором безмятежным
В лицо заглядывает мне и долго так молчит.
То вдруг заговорит он вещими устами,
О том, что будет с нами,
Что было раньше нас, куда людей умчит
Судьба-владычица!

(После некоторого молчания)

Ах, времени так много
Прошло, и жду я век. Я развлекусь игрой...
Зейнеб не быстронога,
Неблизко он живет... Пройдет и час, другой.
Не сократится вдруг далекая дорога.
Не скоро явится Али мой дорогой.

Покуда звездочка не озарит лучами
Белеющий вдали высокий минарет,
Али не явится к тоскующей Хурет.
Не осветит Али блестящими очами
Тьмы комнаты моей. К Хурет Али придет,
Когда опять звезда на минарет взойдет.

(Поет)

Нитей серебряных пряди вплетаю
В легкую, тонкую ткань,
Стан мой я тканью вокруг обмотаю,
В ней обгоню лебединую стаю
И быстроногую лань.
Там, далеко за высокой горою,
Милый у Терека ждет,
И лишь луна ускользнет пред зарею,
Быстро умчит меня шаль над землею,
Точно ковер-самолет.
Примет меня у сердитой стремнины
Нежно в объятья черкес
С милым мы кинемся в воды пучины,
Или умчимся над лесом долины
Выше лазурных небес...

Явление V

Хаджи Мухамед Салиха *(тихо входит и останавливается незаметно).*
Хурет, увидев его, прерывает пение.

Мухамед Салиха.

О, продолжай, дитя... Мне эта песнь знакома;
Ее певала мне твоя родная мать.
И в тихой песенке, как в звуках мощных грома,
Есть сила тайная. Ее нам не понять.
Да, да... Могучая и тайная в ней сила.
Ах, образ матери внезапно оживила
Она в груди моей.
О, пой, моя Хурет, ты свет моих очей.

Хурет.

Готова петь еще, но, видишь, невозможно...
Струна под пальцами внезапно порвалась.

Ты тихо так вошел, так тихо, осторожно,
Душа моя к тебе, отец мой, понеслась,
Но стлалась тень твоя у моего порога
Так много, много дней...

Мухамед Салиха.

Пусть на тебя сойдет,
Дитя мое, навек благословенье Бога.

Хурет.

Салман мне от тебя подарки все несет.
Не любишь дочь свою... Скажи мне, почему же?
Бывало, каждый день ко мне ты приходил.
Все та же дочь твоя, она не стала хуже.
Зачем ты...

Мухамед Салиха.

Ах, зачем? Пойми, пойми, нет сил,
Дитя мое, души моей отрада,
Глядеть мне на тебя и думать, что пора
Настала уж давно, когда другому надо
Отдать тебя навек. Ах, даже и гора,
Когда из недр ее железом рвут алмазы,
Неслышно слезы льет... Когда ж берут детей —
Что чувствует отец! И я хочу не сразу
Отвыкнуть от тебя. О, свет моих очей,
Хочу я от тебя отвыкнуть понемногу;
Не надо отрубать внезапно всех ветвей
От дуба сильного; погибнет он. — Дорогу
Я должен уступить.
Я матушку твою любил. Она дороже
Была вселенной мне. А ты, Хурет, ты нить,
Что к ней ведет меня... Когда я был моложе,
Я мог бы перенести удар,
Порвав ее. Теперь, дитя мое, я стар...

Хурет.

Отец, мой дорогой, отец, словами душу
Мою ты разорвал, как пальцем я струну.
Клянусь тебе, отец, я клятвы не нарушу,
Без мысли о тебе не встану, не усну.

Мухамед Салиха.

Пускай Аллах тебе пошлет благословенье
За речи добрые. Слова не хуже дел,
Когда душе больной приносят исцеленье.
С покорностью, дитя, приму я свой удел.
Пришел о том сюда я говорить с тобою,
Что мучает меня, что не дает мне спать.
Как все родители, Хурет, твоей судьбою,
Ты знаешь, не хочу я сам располагать.
Я все не находил, чтоб был тебя достоин
На свете кто-нибудь... Но, видишь ли, теперь
Не должен медлить я... И вот я неспокоен.
Мне калантар сказал... Взгляни, закрыта ль дверь...
Что хочет он тебя... Ему я не согласен
Тебя отдать. Он зол...

Хурет (радостно).

Мой дорогой отец!

Мухамед Салиха.

Жесток он и могуч. Он может быть опасен,
Хоть я и муджтахид — не первый я пришлец,
Он может и меня стубить. Но бесконечно
Тебя я не могу держать в стенах моих.
Ты выросла, дитя; мой дом угрюм и тих.

Хурет.

С тобой хотела бы остаться, вечно.

Мухамед Салиха.

О если б встретил я, кому не было б жаль
Тебя отдать, дитя! Не знаю я такого...
Но... счастье, может быть, гоню из чувства злого.
Да, есть один... Боюсь! Но почему печаль,
Как туча темная, лицо твое покрыла?

Хурет.

Не знаю я сама... Не знаю, почему...

Мухамед Салиха.

Засмейся, дочь моя. Ты стала так уныла.
Тебя я рассмешу... Али... Представь, ему
Ты по сердцу пришлась не как сестра, но боле.
На время я тебя хочу держать в неволе,

Али к нам приходить я строго запретил,
Его не пропускать к тебе дал повеленье!
Али как брат тебе, дитя мое, лишь мил?
Уедет скоро он, Хурет, имей терпенье...
Тебе свободу дам: с Зейнеб пойдешь гулять,
В наш загородный сад вас отпущу опять.

Хурет.

Куда уедет он?

Мухамед Салиха.

Его отец в смятенье от вести сам пришел. Дал сыну порученье
В Бушер, чтобы успел в дороге он остыть.
Придется года два ему вдали пробыть.
Но есть один жених... Тот будет познатнее,
Согласен был бы я... Тебе он будет мил...
Потом поговорим. Час утра мудренее.
С зарею больше в нас и разума, и сил.
Прости, Господь с тобой. Я сяду за работу
На час один еще...

Хурет.

Постой, постой, отец!
Как матери, хочу души моей заботу
Тебе, о дорогой, поведать наконец.
Скажу тебе, что я... Али не отвергаю.

Мухамед Салиха.

Не хочешь ли сказать, что быть его женой
Желала бы, Хурет? Мой Бог, изнемогаю!
Смеешься надо мной!
Жалеешь ты Али... Полна ты состраданья,
Горстями золото бросаешь бедным ты,
Себя же подарить из странной доброты,
Которой нет названья,
Тому, кто нас бедней — не добродетель, грех.
Ты хочешь всей стране меня отдать на смех?
Ты муджтахидка дочь, богата и прекрасна.
Скажу тебе теперь: тебя желает шах.
Ну что, ты не согласна
Женою быть его? Аллах, Аллах!
Нельзя же отклонить мне это предложенье.
Хоть, как стрелы, боюсь излишней высоты, —
Упасть легко с нее, но шаху предпочтенье

Я отдаю. Пойми, навлечь отказом мщенье
Я мог бы. Ты пойми, Хурет! Что скажешь ты?

Хурет.

О Боже мой, отец, в любви мы все невольны.
Меня собой Али с младенчества пленил.
Обидные слова мне слышать было больно;
С ничтожным бедняком Али ты здесь сравнил.
Ведь Слову Божьему его ты сам учил,
У груди мы одной напиток жизни пили...

Мухамед Салиха.

Та грудь за золото давалась тебе.
Где гордость у тебя? Тебя мне подменили!
Княжной черкесскою, благодаря судьбе,
Ты рождена, Хурет, и дочь ты муджтахиды,
Моя родная дочь...
Для сердца моего великая обида!
Пускай от всех ее укроет эта ночь.
Сыграет свадьбу он на чьи, скажи мне, средства,
Как подобает нам? Ему ли даст их мать?
Хочу я это знать. Любил тебя он с детства!
На что надеется? Он получил наследство?
Как мог о чувствах он своих тебе сказать?

Хурет.

Он беден деньгами, богат он мыслью ясной.
В уме его, в душе сокровищ царских клад!

Мухамед Салиха.

Их не наденешь ты, не будешь в них прекрасней.

Хурет.

Но, Боже мой, отец, ты за троих богат.
Ведь все есть у меня, чего б не пожелала...
Лишь месяца с небес я не могу иметь;
Как тучки легкие, как тучки покрывала,
И ткани яркие, как звезд небесных сеть,
Сапфиры, бирюза, алмазы и рубины
В окованных моих хранятся сундуках.
Во всей стране такой не сыщется долины
В источниках живых, и в рощах, и в садах,
Чтобы свежей была садов твоих душистых,
Где ручейки текут среди деревьев тенистых,

Рассеяны везде в стране твои дворцы
И караванов тьма твоих во все концы
Идет с товарами. Отец, во всем Иране
Мудрей ты всех. Мудрей, но и богаче всех!
(*Мухамед Салиха отходит к окну*).

Читали мы с тобой не раз в святом Коране:
Любить сокровища без меры — тяжкий грех.
Их надо обращать на дело милосердья,
Не надо сторожем своих сокровищ стать.
В скоплении богатств не надобно усердья,
Источник мудрости лишь может счастье дать!

Мухамед Салиха.

Что есть у нас, того Али ведь не имеет!
Все блага на земле — все даст ему жена.
Та орхидея лишь цветет и зеленеет,
Что вьется вокруг ствола, — вся трепетна, нежна.
И муж к жене, как ствол к лиане, тем привязан,
Что жизнь и блага все земные ей дает.
Но кто во всем жене становится обязан,
Тот будет к ней жесток. Тяжел для мужа гнет,
В нем благодарности не созревает семя.
Чтоб господином он казался над женой,
Он будет груб и зол. Для мужа тяжело бремя
Богатств своей жены, и ни одной
Не видел я под ясною луной
Счастливой женщины, чей муж беспечно тает
В сокровищах ее. Да, так всегда бывает.

Хурет.

О, выслушай, отец! Али богат, как шах;
Из всех властителей — богатый он властитель.
Лишь он заговорит — блещу я вся в лучах.
Вся в золоте тогда горит моя обитель,
И так, как мой Али, шах не украсит жен.
Нет, мной Али вовек не будет одолжен.
Ах, слово каждое его, как те алмазы,
Что в перстнях дорогих и днем огнем горят;
Пред блеском слов его на небесах Ширази
Бледнеет звезд блестящий ряд.
И украшают нас не камни, как царевен:
Достоинства мужей, которых любим мы,
Нас красят. Не страшусь и нищенской сумы.

Али! Нет, мой Али не будет зол и гневен.
Нет, злобе преданы лишь низкие умы.
Пусть эта мысль тебя, отец мой, не тревожит.
Спокоен будь, отец. Ты сам мне говорил:
«Али наш благороден».

Мухамед Салиха.

Скажу, что на душе, хоть путь хулы негоден:
Коль станет кто нам мил,
И краска черная его чернить не может.
Я говорил давно, что благороден он.
Из детства дальнего к тебе донесся звон.
Ростки первичные все схожи!
Будь лавра лист, как лист травы простой — все то же,
Все кажется одно!
Что благороден он, я говорил давно.
Как нежный лист тогда — он еле развернулся.
Он в сорную траву возрос, дитя, поверь...
Не видел прежде я... Я спал... Теперь проснулся...
Он — сорная трава, вот, вижу, что теперь.
Я нежен был с тобой, и не было нежнее
Во всей стране родной, безумнее отца,
Каким был я... Горю в огне я
От слов твоих. Тебя любил я без конца,
И вся любовь тобой навек забыта!
И в сердце дочери была измена скрыта.
За бедного отца — ты заступись, Аллах!
Ты можешь все читать в людских сердцах!
К чему богатство мне, страны всей уваженье,
Коль стал я одинок теперь на склоне лет!
Все отнято... все, все, отрада, утешенье...
Все отнято тобой, дитя мое, Хурет!
Жену взяла безвременно могила!
Что умерла она, родив свое дитя,
То к лучшему. Ты мать свою бы огорчила,
Как и меня, да, да... играя и шутя...
От горестей земных, от муки, от страданья
Нас избавляет смерть. Не плакал с давних пор...
Теперь настал мой час. — В груди кипят рыданья,
И слезы горькие мой застилают взор.

Хурет.

Отец мой, выслушай... О выслушай, молю я...

Мухамед Салиха.

Не надо, я прошу, немного погода...

Когда умру, тогда ты, обо мне горюя,

Женою стань Али...

(Направляется к двери).

Не долго ждать. Иди.

(Уходит).

Хурет.

Нет, никогда, отец, ничьей женой не буду...

О, помоги, пророк!.. Всю жизнь с тобой, с тобой...

(Следует за отцом)

Явление VI

Салман *(один).*

Салман *(выходит из-за драпировки).*

«Все к лучшему» сказал. Нет, это все лишь к худу...

То был не разговор — то был смертельный бой

У дочери с отцом... Не слушали Салмана!

Кого задумала избрать себе в мужья!

Как просто говорит! Вот польза от Корана

В руках у девушки. Предвидел это я...

Страны светлейшие нарушены здесь нравы.

Держать бы лучше ей вязальную иглу,

И не вводить в своем углу

Порядки новые и новые забавы.

Предвидел это я. Салмана зорек глаз.

Для дома стыд и срам. О стыд на весь Шираз!

Смеяться будут все. Отвергнули мы шаха,

Чтоб с сыном Хадидже сродниться мы могли.

Но Хадидже уж нет и, с помощью Аллаха

Не будет властвовать здесь больше ваш Али.

Все надо изменить

(прислушивается. В смежной комнате раздаются голоса спорящих девушек)

Опять я слышу споры...

(Подходит к дверям и бьет в ладони)

Сальгэ...

Явление VII

Салман и Сальгэ_

Сальгэ (*входит*).

Салман.

О чем опять вы спор там завели?
Ты что молчишь, Сальгэ, кидаешь злобно взоры.
Ведете меж собой какие разговоры?
Болтали о Хурет? Болтали об Али?
Скажи, что говорят... получишь ты уборы,
 За то получишь шаль
 Сальгэ, тебя мне жаль.
Хочу, чтоб ты, как день, всегда была красива
Как черная Сальмэ — меня ты поняла ль?

Сальгэ.

Все хвалишь ты Сальмэ... Она горда, спесива,
Что лучше госпожи — всем говорит она.
Что дома и ее красавицей все звали.
Я говорю: «Сальмэ, как сажа, ты черна».
Да почему же ей сегодня подавали
Все блюда первые... Ей господин послал
Кольцо, и в нем горят, как звезды, изумруды.
Чтоб вспомнил он меня, ему ты не сказал!

Салман.

Ты кончила, иль нет? Бабоши из Шахруды
Купили для тебя...

Сальгэ.

Еще: что раз один
Улыбкой одарил ее наш господин,
Она всем хвастает. Во всем Сальмэ счастлива,
А я... нет, не скажу... Как все, я не болтлива...

Салман.

Коль хочешь быть мила, так смейся, не тужи
О горестях твоих. Ну, в чем беда, скажи.

Сальгэ.

Что господин меня не видит,
Обидно мне. И я не хуже, чем Сальмэ.

Салман.

Тебя он не обидит.
Ее не любит он, в своем ли ты уме?
Ну, что еще у вас там нового случилось?

Сальгэ.

Да, у Сальмэ одна новинка появилась,
Не знаю, кто ей дал...

Салман.

Ты будь настороже,
Мне надо очень знать, меня ты понимаешь —
Что говорят меж вас о нашей госпоже.
Все то, что ты узнаешь,
Мне передай тотчас. Увиделась ли с кем,
Записку ли кому, подарок ли послали...

Сальгэ.

Не говори, что я...

Салман.

Как рыба буду нем.

Зови подруг сюда и скрой на время жало!
С Сальмэ сочтешься ты потом...
Получишь шаль.

Сальгэ.

Ах, что мне в том!

Салман.

Верь, господин тебя заметит в пестрой шали.
(Сальгэ уходит).

Явление VIII

Салман один.

Салман.

Довольно, сам всему я положу предел.

(Бьет в ладони)

Явление IX

Салман и слуга.

Салман.

Чтоб новеньких рабынь скорей сюда прислали!

Чтоб там не спали!

Есть дело, нет ли дел —

Вы все готовы спать от вечера до утра,

И вновь до вечера. Чтоб свечи все зажгли

При первых сумерках. Из перламутра

Подставки тут подать вели;

На них шербет и сласти.

(Слуга уходит)

Явление X

Салман один.

Салман.

Любви напасти

Прогоним танцами так быстро, как метлой

Мы выметаем сор. Недуг сердечный злой

Исчезнет в радости!

Явление XI

Салман, Сальгэ, Сальмэ, Фатима, Зорайя, Аббаса, Ханифа и прочие девушки и рабыни.

Салман.

Здесь веселитесь,
Вы пойте, смейтесь и кружитесь,
Вы госпожу свою должны теперь развлечь.
Я свечи все велел, как в праздник, вам зажечь!
Не ссорьтесь только вы.
(Уходит)

Явление XII

Те же без Салмана

Сальмэ.

Зачем-то нас призвали,
И не успела я моих окрасить ног.

Сальгэ.

И так ты хороша! Красивей не бывает.

Сальмэ.

Ты знаешь, чтоб купить меня, какой залог
Салман был должен дать? Клянусь Аллахом,
Три тысячи.

Сальгэ.

Чего?

Сальмэ.

Томанов.

Сальгэ.

Ах, мой свет!
Ты скажешь, что тебя красивей в мире нет.

Зорайя (Фатиме).

Ты что бледна?

Зорайя

Больна; едва уснула.

Я вышла ночью в сад... казалось, бродит тень
Там, на горе близ нас... дрожу я целый день.

Сальгэ.

(Отошла от Сальмэ и слушает Фатиму с Зорайей).

Кто был, ты не взглянула?
То был наш господин? скажи, скажи, Фатима.
И с кем, скажи, он был, что говорил он там?

Сальмэ.

Оставь, ты никогда не будешь им любима.

Аббаса

Тебе советую отправиться в Бостам
В источнике его получишь исцеленье
Ты от любви своей... ха-ха...

1-я девушка

Ха-ха...

2-я девушка

Ха-ха...

Ханифа

Не обижай ее. И нет в вас сожаленья!
Не смейтесь, говорю. Что ты, Сальмэ, глуха?
И никому из вас не отдал предпочтенья
Наш господин. Ты что? «Ха-ха»...
Вот новая- Ты спой *(указывает на новую рабыню)*.
Когда была моложе
Как надо танцевать, я б показала вам.
Из Курдистана ты! Ну, как танцуют там?
Ты спой и попляши, ну, что же?

1-я рабыня *(поет и танцует)*.

Курдская песня.

1.

Раскинем шатры
Мы близ Кирманшаха,
Там, волей Аллаха,
Из белой горы
Течет ручеек многоводный.
Он чист как хрусталь,

Он звонок, как сталь,
Живительный, быстрый, холодный!

2.

Всходили цари
На белые кручи
Велики, могучи!
Порой до зари
Они у ручья пировали.
Из горных садов
Корзины плодов
Царям на пиры подавали.

3.

Захочет Аллах —
Я с милым Ахмедом,
Что был нам соседом,
Пойду в Кирманшах.
Уйдем к ручейку мы от стада.
И нам ручеек воды даст глоток,
И быть нам царями не надо.

Сальмэ.

Я лучше их умею петь,
Танцую тоже я не хуже.

Зорайя.

Давайте танцевать, чтоб кровь согреть,
Не выношу я стужи,
От танцев их застыла я.

Сальмэ.

Ах, милая моя,
Не нужно больше пенье наше.

Ханиф

Вы спойте что-нибудь живей!
Когда была моложе я и краше,
Я пело, точно соловей,
В тени ветвей.
Ну, спойте что-нибудь, что вызывает слезы
Из женских глаз, о том, как вянут розы,
Или другое что-нибудь,
Что льется в сердце нам, и что волнует грудь.

Что для души так мило'
Ну, ту, что госпожа недавно сочинила!
(Поют: Сальмэ запекает, другие подтягивают)

Персидская песня.

1.
Как розу, прекрасной, Бог создал меня!
Зачем, — я спрошу у Творца моего,
Зачем я свежее весеннего дня?
Как розу, прекрасной, Бог создал меня
Зачем, для чего?

2.
Прекраснее ночи Бог создал меня!
Зачем, я спрошу у Творца моего,
Чернеют, как тучи, чело осень,
Волос моих пряди... Так создал меня
Господь для чего?

3.
Прекрасной, как месяц, Бог создал меня!
Зачем, — я спрошу у Творца моего,
Очей моих сумрак теплее огня?
Уста, как гранаты. Так создал меня
Господь для чего?

1-я девушка
(Стоящая у дверей, ближайшей группы).

Вот госпожа идет, взгляните.

Ханиф.
Когда вы кончите — вы песню вновь начните.
(Поют)

4.
Ах, чудо-прекрасной Бог создал меня!
Зачем, я спрошу у Творца моего,
И песня, по улицам тихо звеня,
Поет о моей красоте... Ах, меня
Прекрасной Бог создал зачем, для чего?
Прекрасной Бог создал зачем, для чего?

Явление XIII

Те же и Хурет.

Хурет.

(Входит задумчивая, заплаканная. После минуты молчания она с усилием преодолевает себя).

Довольно, песен не хочу.

Хочу теперь убор я новый свой примерить.

Вас песне новой научу,

О том, что счастью не следует нам верить.

Играйте лучше мне, играйте что-нибудь,

Я музыки без слов хочу отдаться власти...

(Музыка. Хурет надевает в задумчивости убор. Девушки помогают ей. Про себя).

Широкий вышел путь

В гаданьи для меня.

Сальмэ.

Вот чудное запыстье!

Фатима.

Из бирюзы чудесный амулет —

Кому достанется, тому приносит счастье.

Зорайя.

Смотрите же, что в нем! В нем госпожи портрет!

Ханиф.

Вся в золоте вуаль! Аллах! О Магомет!

Как в ней ты хороша! Такою не видала

Тебя уж давно! Бела, как роза, стала.

Хурет.

Ханиф, я хороша?

Так значит, горе нас, как счастье, украшает?

Сальгэ.

О чем печаль твоя? О чем болит душа?

Сальмэ.

Ведь все получишь ты, что сердце пожелает!

Фатима.

Ты лучше всех у нас! В Ширазе нет прекрасней!

Зорайя.

Роскошнее твоих в Иране нет волос!

Черней и больше глаз искали бы напрасно!

Хурет.

Высокий кипарис в саду привольно рос,

Его лелеяли всечасно,

Но вихрем сломан был. Злой вихрь его измял,

И кипарис завял...

Его лелеяли напрасно.

Ханиф.

Вели нам поплясать.

Хурет.

Хочу я быть одна. Сюда прошу прислать...

Иль нет... Мне ничего не надо.

Хочу я быть одна... Я не сниму наряда...

Все (уходя говорят шепотом).

Фатима

Что с ней? Заплакана.

Зорайя

Как лилия бледна.

Ханиф.

И слушала — не слушала она.

Фатима.

Случилось что? Ни слова нам, ни взгляда...

Явление XIV

Хурет одна.

(Повторяет задумчиво последнюю строфу песни).

Ах, чудо-прекрасной Бог создал меня!

Зачем, я спрошу у Творца моего,

И песня, по улицам тихо звеня,

Поет о моей красоте... Ах, меня
Прекрасной Бог создал зачем, для чего?
Зачем, для чего?
Ах, скоро ли придет моя Зейнаб сюда?!
И с нею он, Али, мой милый, мой единый...
Мне кажется, прошли года,
Что жду его... Моей кручины
Не покажу ему... Пусть будет счастлив он.
Пусть этот час пройдет для нас, как чудный сон.
Потом ему скажу... Скажу ему в посланью...
Пускай безоблачно пройдет желанный час,
Пусть весть не омрачим нам тихий час свиданья...
(Подходит к двери в сад).
Нет, мне казалось лишь. Там луч еще дрожит!
(Грустно)

Вечерним сумраком окутана долина,
Там облачко вдали мне горе ворожит,
Как птица, в небесах, летит, бывало, время...
Теперь недвижимо, как бремя,
Не стану думать я, что нам готовит рок,
Пускай уносит нас любви святой поток...
Пускай невестою меня теперь счастливой
Увидит мой Али, мой милый, мой жених...
Ах, кажется, идут! Как стала я пуглива...
Казалось это мне... Был шорох... Он утих...
То сердце вешее в груди тревожно бьется,
Как птичка пленная, что к солнцу жадно рвется...
Теперь, я слышу, он... То он... мой чуткий слух
Меня не обманул... О Боже!

Явление XV

Хурет и Зейнеб.

Хурет.

А он... Зейнеб... Где он?

Зейнеб.

Дай перевесть мне дух...

Бежала я.

Хурет.

Где он, скажи, скажи, ну что же?

Зейнеб.

Идет за мной.

Хурет.

Скажи им всем, что я больна,

Что могут спать иль петь, хочу я быть одна.

Зейнеб.

(Указывая на входную дверь)

И там-то спят давно! Ослушались Салмана!

Ах, ласточка, служить тебе я не устану!

Нас сторож пропустил за два томана.

Хурет.

(Не слушает).

Пойди, скажи! Хочу я быть одна.

Зейнеб.

(Уходя).

Лишь пусть уходит рано.

Явление XVI

Хурет и Али.

Хурет.

(Кидается к нему).

Али! Али!

Али.

Моя... Хурет-Аль-Айн!

(Молчание).

Тебя я вижу вновь, очей моих услада...

(Молчание).

Бродил все мимо я... Полна незримых тайн

Казалась мне ограда,

И сад, и дом, куда входил я, как родной,

Где с ласкою меня недавно так встречали.

Но ты опять со мной,
Прошли тревоги все, и думы, и печали...
Хурет моя, Хурет!

Хурет.

Али...

Али.

Тебя люблю!
Я ждал тебя, как лист под жаркими лучами
Ждет чистую росу. Я по тебе скорблю.
Я днями долгими и долгими ночами
Все вижу перед собой тебя, Хурет мою.
Я без тебя, Хурет, что лодка без кормила,
Что рыба без воды, ты жизнь моя, мой свет!
Ты все, моя душа, ты мысль моя, ты сила,
Ты воздух для меня... Ты, ты, моя Хурет!

Хурет .

Не говори... молчи... Али... Али желанный...
Могу я умереть... Уйми волну речей,
Могу я умереть... Лучи твоих очей
Мне сердце жгут, Али... Так странно мне, так странно...
Я вся, я вся твоя!.. Твоя, о мой Али...

(Хурет протягивает к нему руки. Али берет их с возгласом восторга, мгновенье держит в своих и, поборов свои чувства, бледный, оставляет их. Молчание.)

Сегодня о тебе с отцом я говорила...
Моления мои пред ним не помогли...

Али .

(Глухим голосом).

Могуча, велика, земной гордыни сила,
Туманит лучшие, чистейшие умы...
Я знаю все, Хурет... Когда ему признался,
Что полюбили мы,
Он на меня взглянул, надменно засмеялся:
Мне не поверил он... Ах, если б мне лицо
Ударил он рукой, мне не было б так больно...
На пальце у него я б целовал кольцо.
Но смех его невольный!
Он ранил сердце мне... Хотя б меня связали,
Я б не роптал.
И если б тело мне на части разорвали,

Я б не стонал.
Но смех презрительный! Глумился надо мною!
Едва могу обиду снести...
Но я простить хочу. Пусть с этой темной ночью
Обида вся уйдет. О, не мою он честь
Презреньем оскорбил... Он оскорбил Аллаха...
Во мне, как и во всем, что видим на земле,
В былинке, и в росе, в песчинке каждой праха,
Есть искра Божества. Но твой отец во мгле,
И двери истины его очам закрыты.
Открылись для меня они теперь, Хурет.
Открылись для меня. Я, счастьем позабытый,
За ними вижу и небесный чудный свет.
Мерцает и в глазах твоих, прекрасных, чистых,
Мерцает он в твоей улыбке неземной,
В чертах твоих, в кудрях твоих волнистых,
И меркнет перед ним и ясный свет дневной.
Пред красотой твоей клоню свои колени
Я потому, Хурет, что видится в ней Бог!
Где стоишь теперь, хочу лобзать ступени,
Как храма Божьего целую я порог.
Ах, красота твоя — нетленная святыня!
Ее коснуться дух лишь может, дух святой!
Созданиями небесах наполнится пустыня,
Когда души твоей коснуся я душой.

Хурет (*хочет говорить*).

Али (*перебивая ее*)

Я знаю, знаю все, что ты сказать хотела,
Но слушай, о Хурет, что я скажу тебе...
Я твоего не жажду тела,
Но приобщи тебя навек к моей судьбе!..
(*Подходит к окну*).

Пред вечным алтарем, где вечные светила
Над нами теплятся, мерцают и горят
И людям о Творце безмолвно говорят,
Пусть нас соединит божественная сила
Цепями вечными, что в небесах куют...
Подруга ты моя, единая подруга,
Ты слышишь, ангелы нам брачный гимн поют!..
Вот первое мое лобзание супруги...
(Он подходит к ней и касается губами ее чела и уст).

Последнее оно! Как на небе луна
Горит средь сонма звезд, в душе моей одна
Ты будешь жить всегда, и в дни, когда, как роза,
Ты будешь ярко цвести, и в дни, когда морозы
Заденут лепестки, и красоту, как дань,
Потоку времени ты понесешь пугливо,
Как перед смертью лань.

Для сердца моего ты будешь век красива.

Хурет, моя Хурет,

Как истины небесный свет

И ты — моя святыня!

Ее коснуться дух лишь может, дух святой!

Созданиями небес наполнится пустыня:

Теперь души твоей коснулся я душой!

Мы создадим, Хурет, мир мыслей и желаний

Из их семян плоды утешат всех в страданьи!..

Их ветер разнесет в подлунных всех странах.

И слезы высохнут в заплаканных глазах.

Ты будешь матерью покинутых судьбою,

Ты будешь матерью усталых бедняков,

Ты будешь матерью поверженных бедою,

Ты будешь матерью болящих средь оков,

Ты будешь матерью всей родины скорбящей,

Пойдем с тобою мы за истиной одной,

Чтоб песнями ручьев вновь зазвенели чащи,

Чтоб озарил ее свет благостный дневной.

Хурет.

Я слышу голос твой нездешний, неземной!

Я слышу голос твой... неволью я немею...

Али, ты мой жених, ты муж мой, властелин!

Нет воли у меня... Я воли не имею,

Она в твоей руке. Как миром Бог один,

Ты будешь управлять всегда моим желаньем;

Твоя навеки я, и мыслью, и дыханьем...

Твоя, о мой Али, мой муж, мой господин!..

Хотела б я греметь, как буря,

И вдруг умолкнуть пред тобой;

Носиться тучей по лазури,

И пасть к ногам твоим росой;

Хотела б быть я вольной птицей —

И сплесть мой рок с твоей судьбой;

Хотела б властной быть царицей

И стать навек твоей рабой...
Ты говорил, Али, и пел с тобой, казалось,
Незримых ангелов чудесный хор небес...
Сомнение, как ночь, перед зарей умчалось!
Дух древних, мудрых жен в моей душе воскрес!
Оставить дом, отца, родных и за тобою,
Куда б ты не велел, покорная, идти
Решила я. Меня угрозой, ни мольбою
Не отвратит никто от твоего пути!
Навек твоею быть, навеки я готова...
Али, скажи мне слово —
И буду я твоя послушная жена...
Туманятся глаза! Одни мы... Я одна...
Твоя, твоя навек, Али, Али, мой милый...
Что я твоя навек — сейчас ты говорил...

Али .

Хурет! Тебя ли подменил
Твой ангел светлокрылый,
Иль мною овладел из ада темный джин?

Хурет .

Али! Али, мой милый,
Скажи, что делать мне, Али, мой господин!

Али .

(После внутренней борьбы).

Блаженны чистые! От них родятся в мире
И свет, и красота. От них уходит мгла.
На чудной их порфире
Святая красота свои огни зажгла.
Блаженны чистые! Бегу в тоске глубокой,
От духа тьмы бегу. Прости, Хурет-Аль-Айн!
Но над тобой витать я буду издалека.
Ах, полон мир земной незримых, странных тайн!
(Молчание).

Прости, Хурет... прости... Жена моя по духу...
Моя... навек моя... Мы встретимся с тобой!
(Восторженно, в порыве ясновидения).

Ты слышишь, нет! Несется глухо
Далекий барабанный бой!
Настанет дивный час, мы встретимся с тобой!

Тогда к твоим устам прильну как зрелый колос,
Что ветром клонится к неполютой земле!
Прости... Скажи «Прости»... Твой жажду слышать голос!..
На мертвенном челе
Мой поцелуй горит...

Хурет *(еле слышно)*.
Прости...

Али.
(Шепчет).
Души услада...

Хурет.
(Делает чуть заметное движение к Али).

Али.
(Движением останавливает ее. В дверях).

Прости, Хурет, прости, очей моих отрада.

Хурет.
(Неподвижно стоит, потом, как подрезанный цветок, склоняется на тахту).

Действие II

Между действиями I и II проходит 5 лет. (1842 год).

От зрителя перпендикулярно к глубине сцены идет крытая циновками галерея базара. Авансцена и место по обеим сторонам галереи представляют свободную площадь, окаймленную домами. Стены домов, обращенные на улицу, без окон. В иных местах видны лишь ограды, за которыми скрываются дома, минареты мечетей. За галереей, в перспективе, виднеется остальная часть города, возвышенная, переходящая в нагорный гористый пейзаж. У домов и за оградами растут деревья. Два-три дерева у самой авансцены. Пять часов дня. Полный разгар городского оживления.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Мирза Али Мухамед,

(Баб или Дверь Истины)

Мухамед Салиха

(Муджтахид).

Хурет Аль-Айн

Салман

Зейнеб

Сальгэ

Маннунт Хан Калантар, 30 лет.

Джафар,

его главный евнух, 50 лет.

Мирза Агка Мухамед Али,

землевладелец

Мирза Гуссейн Бушруи,

30 л.

Сеид Гусейн,

21 г.

Сеид Гассан

19 л.

} братья

Цирульник 1-ый

Цирульник 2-ой

Дервиш, с козлиной шкурой через плечо, кокосовой чашей в руках и большой толстой палкой.

Фагир (бедняк) в группе фагиров, которые кейфуют (отдыхают).

Деннан (комиссионер)

Факир со змеями

Старик дервиш (слепой)

Мальчик

1

2

} земледельцы

1-я женщина

2-я женщина

Продавец свеклы (солдат на осле), в мундире с погонами, но без форменной шапки, в коротких штанах.

Продавец сладостей

Меняла-солдат.

Продавец шербета
Музыканты
Прохожий
Свита Салмана
Свита Джафара
Свита Муджтахиды
Свита Калантара
Кальянчи, торгующий табаком.
Танцовщики
1 прохожий
2 прохожий
3 прохожий
Сатгар один из приближенных слуг Муджтахиды
Народ, женщины, дети.

Явление I

Цирюльник 2-й (*приютился около стены ближайшего к авансцене дома. С зеркальцем в руке, бреет человеку голову, плюет на бритву и точит ее на ремне, надетом через плечо.*)

Цирюльник 1-й (*с принадлежностями своего ремесла у дерева на авансцене производит кому-то зубную операцию*)

Факир (*стоит у стены дома на противоположной стороне, указывая на картину, нарисованную на стене*)

Слепой старик дервиш с мальчиком (*сидит под другим деревом на авансцене*)

Продавец свеклы на осле (*медленно передвигается по сцене*)

Дервиш (*с кокосовой чашей и большой суковатой палкой то появляется в толпе, то исчезает*).

Меняла (*сидит у одного из домов. Перед ним грязная тряпка, по ней разбросаны монеты*).

При открытии занавеса перед базаром отроки (в женском наряде) танцуют, музыканты играют. Их окружает небольшая толпа зевак.

Оркестр состоит из барабана, двух барабаничков, разных фасонов скрипок, вроде гитары, которые держат на ноге и по которым пилят смычками, дудок и

неизбежной дойры. Один из музыкантов подпевает, дико выкрикивая отдельные ноты.

Как только появляется новый прохожий, его окружают нищие и продавцы.

Деллал, продавец шербета, прохожие 1-й и 2-й, кальянчи, фагиры, продавцы, музыканты, народ и пр.

Продавец шербета

Шербет, шербет...

Деллал

(с висящими через руку коврами, кусками материи, золотыми и серебряными поясами и т.п.)

Ковры...

Продавец сладостей

Купите сладости...

Деллал

Ков...

Прохожий 1-й

Ну, дай взглянуть, постой.

Деллал (развертывает ковры).

Прохожий 1-й.

На снасти

Годится он, клянусь твоею бородой!

Я деньги не украл, чтоб мне платить томаты

За эту дрянь...

Деллал

А я твоей клянусь душой —

Он соткан для дворца...

Прохожий 1-й.

Ты думаешь, бараны

Покупщики твои?

Продавец шербета

Шербет!

Фагир (прохожему)

Дай на кальян, красавец молодой!

Прохожий 1-й.

Нет мелких у меня...

Деллал

Из Када одеяла...

Фагир

Тогда дай крупных нам, я вижу, ты добряк.

Прохожий 1-й.

Не много ль будет вам?

Фагир

Да вот сидит меняла...

(Прохожий 1-й подходит к меняле).

Меняла *(меняет деньги)*.

Продавец шербета.

Шербет!

2-й прохожий

Со льдом? *(пьет шербет)*

1-й прохожий *(меняет деньги)*.

Вот так...

(Раздает фагирам деньги).

Факир.

(У стены свистит в дудочку. Когда его окружает небольшая толпа, он вынимает змею и показывает ее толпе, выделявая с ней разные штуки).

Что я вам расскажу, того вы не слышали...

Продавец свеклы.

Вареная свекла, вареная, сладкая!

Кальянчи.

Ширазский душистый табак!

Продавец свеклы

Вареная, сладкая!

Деллал.

Шали... купите шали...

Дервиш.

(Прорезывает быстро толпу, крича).

Али Аллах!

(Многие кладут ему в чашу мелкую монету. Получив милостыню, мотает головой и быстро исчезает в глубине сцены).

Чтоб слушать все могли

Рассказ, — я выше встану.

(Становится на камень).

Вам расскажу я про дела

Царей Ирана и Турана,

И про Ормузда, Аримана,

Богов былых добра и зла,

Про козни в мире злого дива,

Что отнимал царей покой,

Проникнув в тайные извивы

Их душ, и дерзкою рукой

В сердца вливая яд гордыни,

Стяжанья, зависти, любви!

Начну, Господь благослови:

Приблизился раз в виде юноши к шаху

С улыбкою льстивой и робкою див.

«Могуч и силен ты, не ведаешь страха,

Как месяц на небе, и так же красив!

Тебе все покорны, — и люди, и звери,

Их силою мощною ты покорил.

Томленья желаний и грусти потери

Не ведаешь ты», див ему говорил.

«Тебе неподвластно лишь неба светило,

Прекрасное солнце в горячих лучах.

Его изменить назначенье вне силы,

Вне мощи твоей, о всезнающий шах!

На небе великом оно одиноко,

Восходит и светит из века в века.

Зайдет, чтобы вновь заалеть издалека»

— Ты лжешь, для меня та задача легка...

Преступно твое в моих силах сомненье...

Могу изменить я, как все вокруг меня,

И солнца прекрасного бег и течение!

На утро, с рождением нового дня,

Достать мне с вершин Демавенда высоких
Воздушных царей, пару мощных орлов,
Двух птиц быстрокрылых, двух птиц быстрооких,
Достать из-за дальних громад облаков,
Орла мне скорее, а с ним и орлицу,
Запрячь их обоих в мою колесницу,
Меня понесут к своим гнездам они.
А там загляну я в блестящие очи
Светила дневного... Мы будем одни,
И в сумрак могильный таинственной ночи
Ему повелю я укрыться тотчас!
Исполнили точно правители шаха
Его необычный и грозный приказ,
И к небу взлетел он, не ведавший страха...
Два минули дня... Его слуги нашли
Разбитым на лоне угрюмой пустыни.
Домой его слуги на трон понесли...
А солнце восходит-заходит доныне...
(Когда он кончает, опять начинается музыка и пляска, уже в другом месте, в глубине сцены).

Явление II

Те же и Мирза Агка Мухаммед-Али.

(Агка должен быть старше Баба. Говорит энергично, но сдержан в движениях, особенно в дальнейших сценах, особенно в присутствии Баба. Одет хорошо, как землевладелец. На голове чалма. Высокий, статный, энергичный, идет по направлению к цирюльнику 1-му. Его останавливают продавцы).

Продавец свеклы.

Вареная свекла, вареная, сладкая.

Сладкая...

Продавец сладостей.

Сласти, сласти!

Продавец шербета.

Шербет!

Агка (отстраняя пристающих продавцов).

Нет, нет...

Деллал.

Ковры, сережки...

2-й прохожий.

Вот напасть!

Агка.

(Подходит к цирюльнику).

Салем Алейкум, мир тебе. Ах, дай присесть.

Цирюльник 1-й.

Алейкум Салем, друг. Скажи, ты чем взволнован?

Агка.

Не знаю, как начать. Судьбою избалован

Я не был никогда... Ее удары счесть

И не сумею я...

Цирюльник 1-й.

Зачем считать. Их счесть

Не очень-то забавно...

А то еще считать,

Какая благодать!

Случилось что с тобой? Был весел ты недавно.

Агка.

Ты знаешь землю ту, что я арендовал,

Все силы положил, чтоб получать доходы;

Я землю не водой, а потом поливал.

Пришлось мне испытать жестокие невзгоды:

То роем саранча опустошит поля,

То не родит земля,

То засуха сожжет весенние посевы.

Цирюльник 1-й.

Все старые напевы...

И что ж?

Агка.

И вот, когда каналы я устроил,

Муджтахид подати на землю вдрут удвоил.

Цирюльник 1-й.

Да не сердись! Ведь гнев — без рукояти нож.

Свернешь иль не свернешь им недругу ты шею,

Уколешь сам себя рукою же своею.
Ты глупый нож свой брось;
Поверь, что целы все останутся томаты!
Лишь из твоих в его покатаются карманы.
Не прочна счастья ось!
Быть может, от него опять к тебе вернуться.

Агга.

Что делать, как мне быть?

Цирюльник 1-й.

Остыть!
Еще, когда в груди желания проснутся,
Ты их умерь!
Поверь,
Богаче будешь ты всех ханов, муджтахидов,
Мечтающих иметь, что не дается им!
Не надо никаких пленительных нам видов,
Когда мы спим.
Усни пока душой. Ты грозно морщишь брови?
Дай руку, друг: тебе пустить полезно кровь!

Агга.

Из жил достаточно мне высосали крови:
Тебе пускать ее не надо вновь.
Не я один, мой друг, все, все мы разорились!
На этот раз мы все решились
Уйти с насиженных и дорогих полей.
Голодных львов, гиен теперь мы стали злей!
Разрушим все на них, что мы трудом создали,
Теснителям своим мы не оставим гнезд.
Пора очнуться нам... Лазоревые дали,
На небе хоры звезд,
Плоды земли — Аллах для правоверных
Своих детей создал, для слуг своих усердных;
И поровну для всех.

Цирюльник 1-й.

Тебя мне слушать смех!
Мне кажется, никто не отнимает
У нас ни эту даль, ни звезд с твоих небес!
И старый темный лес,
И солнце ясное, что на небе сияет,
Красуется для вас! Смотри!

Любуйся, милый друг, не думая о пище!
А надоел тебе чудесный свет зари —
На лучшем дереве повеситься, дружище,
Свободно можешь ты. Какой-то там Али
Вещает глупости о звездах по Ширазу,
О равенстве людей. Из вековой пыли
Им вынуты забытые рассказы
Детей их слушать ты пошли,
А сам отправься к муджтахиду.
Свою обиду
Ему ты передай с слезами на глазах...

Дервиш.

Али, Аллах!
Али.

Продавец свеклы.

Свекла вареная, сладкая!

Продавец шербета.

Шербет! шербет!

Продавец сладостей.

Сласти!

Слепой старик.

(Под музыку мальчика).

Сказка жизни коротка:
Птичка ловит червяка,
Птичку съел на завтрак кот,
Псу попал кот жадный в рот,
Пса сожрал из леса волк,
Но какой же вышел толк?
Волка съел могучий лев,
Человек же, льва узрев,
Льва убил, и смерти сам
Он достался. Ах, а там
Стал добычей червяка.
Сказка жизни коротка...

Явление III

Те же и купец.

Деллал.

Вот шали, шали и ковры!

Купец.

Нет мочи от жары...

Фагир (купцу).

Дай на лаваш, постой!

Купец.

И вправду ты хромаешь?

Фагир.

Состаришься скорей, коль все узнаешь.

Купец.

(Направляясь к цирюльнику 2-му, фагиру).

Уйди! Не хочешь ли плетей?

Уйди с моих очей.

Нельзя им без обмана!

Кальянчи.

Кому, кому душистого кальяна!

Купец (цирюльнику).

Пожалуйста, скорей!

Пришел сюда насилу.

Цирюльник 2-й.

А ты, мой друг, куда спешишь?

Кто жить торопится, торопится в могилу.

Людей всех насмешишь

Поспешностью своей... Видал ли ты Халилу?

Купец.

Не знаю, кто она?

Цирюльник 2-й.

Вот это красота!

А ты известен ей! Какая полнота,

Румянец, белизна! Жена мне говорила,

Что от тебя совсем с ума сошла Халила.
Советую, женись. Она ведь не строга...
Ты можешь хоть на год, хотя б на две недели
Жениться, друг, по правилам Сига,
Хотя б на день один...

Купец.

Скажи мне, ты в уме ли?
Мне думать о жене, когда я огорчен?

Цирюльник 2-й.

А что?

Купец.

Поехал я с моим Ассаном
По делу в Кад, и он
Все от меня обманом
К красоткам уходил
И... понимаешь, пил...

Цирюльник 2-й.

Не мог он взять отца? Он гнев твой заслужил!
И пил он по ночам?

Купец.

(Головой показывает, что «да»)

Цирюльник 2-й.

Так что? Хотя Кораном
Нам пить запрещено, но ночью и Аллах
Спокойно почивает
На небесах...
И он не замечает,
Что делают сыны его в ночи.

Купец.

О, замолчи!
Он пьет и днем теперь. Хотя бы постыдился
Он слуг.
Что делать мне, мой друг?

Цирюльник 2-й.

Чтобы давать совет — на то я в мир родился:
Чтоб думали, что пьет он не вино — шербет —
Вот мой совет:

Пускай вино в простой сосуд он наливает.

Вино от этого ничуть не пострадает.

А между тем о нем не будут говорить!

А я уж не скажу худого. Как могила,

Я буду нем. Но вот теперь женить

Его бы надо нам. Жена мне говорила,

Что есть одна... За сватовство

Берет недорого жена...

Луны красивее она,

То есть невеста. Да!! Пойми, все баловство

С женитьбою пройдет.

Купец.

Женат на третьей он лишь год, не боле.

Цирюльник 2-й.

Ну, что за счет!

Ну, что тут за неволя!

К жене остынешь вдруг, не греет кровь...

Поверь, ему нужна любовь,

И хоть на день ему полезно вновь жениться,

Ну что же, по рукам?

Придешь ли с сыном к нам?

Забьтсья,

Друг, и тебе бы надо хоть на день.

Аллах, благослови Пророка тень! —

Согласен?

Купец.

Женитьбы путь опасен

Для нас.

Цирюльник 2-й.

Приди ко мне ты вечерком на час!

Увидишь ты красотку,

И, кстати же, промочишь глотку

Шербетом ты... Его готовит мне жена.

Ах, как она ко мне нежна!

Хоть и красива — не прихотлива.

Купец.

Нет, лучше я к Али Ассада поведу,
От глузости его излечит проповедник:
Он снимет, как рукой, мою беду,
Все говорят о нем, что он посредник
Меж нас,
Меж нас и Сахебуз Земаном.

Цирюльник 2-й.

(Сердито и насмешливо).

Да, верь обманам,
Ну, в добрый час!
Попробуй!
Но друг, пойми, Мегди
Не станет об утробе
Ассана твоего там хлопотать... Пойди!
А то, быть может, вас за руку
Введет в загробный рай,
И там вы скуку
Свою забудете. С Ассаном умирай!
Мне все равно!

Купец.

Не слышал я давно, давно
Таких речей... Да... да... Уж этот не обманет.

Цирюльник 2-й.

Все это вздор.

Купец.

Его я видел взор.
Ты видел ли его? Лишь на тебя он взглянет,
Светлее на душе и лучше как-то станет.
И все покажется здесь суетой сует.

Цирюльник 2-й.

Так ты придешь ко мне?

Купец.

Хотел бы, но... нет... нет...

Слепой старик.

Сказка жизни коротка:
Птичка ловит червяка,

Птичку съел на завтрак кот,
Псу попал кот жадный в рот,
Пса сожрал из леса волк,
Но какой же вышел толк?
Волка съел могучий лев,
Человек же, льва узрев,
Льва убил, и смерти сам
Он достался. Ах, а там, —
Стал добычей червяка.
Сказка жизни коротка!..

Явление IV

(Два земледельца проходят мимо цирюльника).

Агка.

Куда идете вы?

1-й земледелец.

К муджтахиду.

Агка.

Напрасно...

1-й земледелец.

Он добр, сказали нам, он выслушает нас.

2-й земледелец.

Так говорят о нем здесь люди все согласно.

Агка.

Но верен не всегда народа громкий глас!
К одним не в меру добр, к другим он зол, как дэвы,
Как все муджтахиды — так добр он: одним дает,
Зато с других взамен три шкуры он дерет...
Муллы, муджтахиды за всех в стране счастливы.
Решился, говорят, недавно даже шах
Их власти положить предел, и для примера
Махмеда Салиха другим на страх
Строжайше наказать!

Цирюльник 1-й.

Есть хуже изуверы!

Агка.

Их всех выносим мы на собственных плечах.

1-й земледелец.

Пойдешь ли ты, Агка?

Агка.

Нет, не пойду я с вами.

Жестоких коршунов не умолить словами!

Пройдет здесь, может быть, сейчас Мирза Али!

Останьтесь также вы, останьтесь на мгновенье,

Потом вы примете решение,

Что делать вам. Постой!

1-й земледелец.

Не для того пришли

В Шираз мы все теперь, чтоб слушать наставленья,

Чтоб здесь зевать

До светопреставленья.

2-й земледелец.

К муджтахиду пойдём...

Агка.

Смирились вы опять?

2-й земледелец.

Быть может, подати на земли нам и сбавит.

А то пойдём к вали...

Агка.

К нему успеете... Не день один он правит!

Послушайте Мирзу Али...

И пусть Аллах вас от суда избавит!

Коль денег есть у вас кошель —

Судиться можете. Но в эти шесть недель

Вы разориться можете вконец!

2-й земледелец.

Займем на это

Мы деньги у друзей!

Цирюльник 1-й.

О знай, бедняк — для всех потеряя монета,

Что сбыть стараются скорей.

Стучаться незачем у дружеских дверей,
Чтоб дружбы не терять, оставь друзей в покое —
Не то наплачешься ты вдвое.

Агга (перебивая).

Да, богачей
Он знает нравы.
Стократ он прав.
С лукавыми пусть будем мы лукавы,
Изменим нрав,
Мы с голубем лишь будем голубями,
А с коршуном, что хищными когтями
Хватает голубей — орлами будем... да!

Явление V.

Во время последнего явления на сцене замечается особенное движение, точно ждут появления кого-то важного. Со всех сторон стекаются люди и устанавливаются как при проезде очень значительного лица.

С другими входят еще две женщины.

1-я женщина (второй).

Сюда, иди сюда...
Не плачь, я говорю. Слезами,
Я говорю тебе, как мать,
Беду не отвратишь... Здесь будем мы стоять!

Деллал.

(Более тихим голосом, чем прежде, подходит к женщинам).

Запястье с бирюзами!

1-я женщина.

Мы купим, но потом, теперь не до того...

Деллал.

Есть также у меня сережки.

1-я женщина.

Он может вдруг пройти, не взглянешь на него.

Деллал.

Хотите посмотреть? А есть еще застежки...

Женщины.

(Жестами отделяются от продавца).

2-я женщина.

Красива и мила я сделаюсь опять?

1-я женщина.

От взгляда лишь его все немощи проходят.

2-я женщина.

Готова здесь с тобой я целый день стоять,
Чтоб муж меня любил...

1-я женщина.

Рабынь всегда заводят
Мужчины все, хотя б жена была мила...

2-я женщина.

Какое утешенье!
Все стала я худеть... Быть может, исцеленье
Мне принесет Али... Любима я была,
Теперь покинута... Муж взял себе рабыню
Моложе, лучше! Нет, я вынести не могу...
Я убегу,
Уйду, в пустыню...
Я кинусь в озеро, в Намек...

1-я женщина.

Постой, имей терпенье...
Муж будет плакать час лишь по тебе — не век.
Мирза Али пройдет — получишь исцеленье...
Поедешь в Ком,
К могиле там Фатимы непорочной
Отправимся с тобой. Потом
О красоте непрочной
Поплачешь там, помолишься на ней
Шесть дней,
И вновь вернешься ты прекрасна...
Теперь не плачь напрасно.

Явление VI.

1-й прохожий.

Какой Али? Кто он? Давно ли тут?..
Не сын ли это Ризы
Хаджи Сеида, нет? Хадидже из Нейриза
Его родная мать?

2-й прохожий.

Вот, кажется, идут...
Отец его в Казвин уехал за товаром.

1-й прохожий.

Его бы известить...

2-й прохожий.

Но денег честный труд
Обильных не дает... К нему писали б даром...
Нет денег у него...

1-й прохожий.

Идут, идут.

Явление VII.

(Салман с двумя слугами с одной стороны, Джафар со слугами с другой).

2-й прохожий.

Да нет...

1-й прохожий.

А кто же тот в тюрбане?

2-й прохожий.

То евнух муджтахид, то Салман.

1-й прохожий.

Я думал, то Али.

2-й прохожий.

Скажу тебе заране:
Как месяц, он красив, высокий гордый стан
И кудри черные, увидишь сразу.

1-й прохожий.

А этот кто идет? Смешной...

2-й прохожий.

То злой Джафар,
Противен он для глаза,
Как див. Калантара он евнух злой...

1-й прохожий.

Он стар.

2-й прохожий.

Он стар, но зол. Его боятся даже дети.
Избави Бог попасть к Джафару в сети...
(Салман и Джафар и их свиты останавливаются).

Салман.

Что встретил вас, так счастлив я, так рад...
Удачно для меня минуты дня сложились;
Я к вам иду... вы здесь... Остановились...
Не надо ль вам назад?
За вами я пойду, и будет мне дорога
Казаться скатертью... Люблю я слушать вас.

Джафар.

К несчастью, у меня так времени немного.
Я этим огорчен. Нам дорог каждый час.

Салман.

Он дорог всем, а вам особенно, мы знаем:
Весь край наш зиждется на ваших лишь плечах.

Джафар.

Царю царей слуга...

Салман.

Вам счастья мы желаем,
Пусть шлет вам счастье Аллах.
И здесь потоки мудрых слов
Я пить готов.

Джафар.

Благодаря пророку,
Мы смыслим кое-что...

Салман.

Что встретил вас, я року
Обязан без конца.
Во мне нет дерзкого льстеца:
Как дорого вниманье
Мне ваше, я хочу сейчас вам доказать.
Вот видите, кольцо мне подарила мать!
И материнский дар в честь этого свиданья
Я вам от всей души, всем сердцем подарю...

Джафар.

(Берет).

За что, помилуйте! На память сберегу я
И вас от всей души за дар благодарю...
Он пригодится мне. Я честью не торгуя,
Богатств не накопил. Носить я не привык
Алмазов дорогих. Могу ль я быть угоден
Хоть чем-нибудь я вам?

Салман.

Всегда я был свободен
От всяких хитростей. Скажу вам напрямик:
Хочу узнать, за что так гневаться изволит
Ваш господин.

Джафар.

Ведь прям и мой язык...
Он помнит ваш отказ... Когда ваш сад не полит,
Не даст он вам цветов. Он вами оскорблен...
Он знатен и богат. Не мог он снести отказа.

Салман.

Прошло пяток уж лет...

Джафар.

Но все в Хурет влюблен.

Салман.

Так вот, я говорю. Все земли близ Ширази
Внезапно отняли у нас... Аллах один
Лишь ведает, за что. И знаем мы наверно,
Что все переменить бы мог ваш господин.

Джафар.

Когда уж отняли, то это дело скверно,
И изменить теперь решение нельзя.

Салман.

Но вы попробуйте, замолвите словечко...
(*Вертит на пальце другой перстень*).

Джафар (*смотрит*).

Что в голову себе забьют князья,
То кончено. Назад не потечет и речка,
Не только что поток. Бессильны тут друзья.
Когда бы волю
Его исполнили, тогда бы... так и быть,
Ему бы я сказал, и вашу долю
Возможно б изменить... решенье шаха скрыть...
И я к вам шел... Солгать пред вами не сумею,
И к вам я тоже шел затем.
Что скажете?

Салман.

Я нем,
И ничего в ответ сказать не смею...

Джафар.

Уладьте дело нам...

Салман.

Охотно, но сперва
Верните земли нам.

Джафар (*делает движение нетерпенья*).

Салман.

Теперь мои слова
Все были бы напрасны;
Хурет больна опасно:
Пять лет мутится голова
У бедной девушки. Ее околдовали,
В уме какой-то бред. Поправится едва ли.

Джафар.

Простите, надобно спешить мне по делам.
Когда поправится, вы дело нам устройте,
Коль вы уладите, — все, что хотите, пойте,

А мы подтянем вам!

Салман (*хочет что-то сказать*).

Джафар.

Да снизойдет на вас благословенье Бога!

(*Переменяет тон*).

Что людям надобно? Поговорить немного

И веселы они...

(*Делает глубокий поклон и отходит*).

Салман.

(*Смотрит за ним вслед*).

Явление VIII

Хурет и Зейнеб входят, за ними Сальгэ с ковром в руке. Салман проходит с людьми мимо них по направлению к дому, не замечая их.

Зейнеб.

(*Уводит быстро Хурет в сторону*).

Сейчас пришел Салман!

Ты видела?

Хурет.

О, нет!

Зейнеб.

А нас он не заметил,

Домой пошел, сейчас узнает наш обман...

Хурет.

Мне это все равно! Али, как месяц, светел.

Так говорит, Зейнеб... Прошло почти пять лет

Не видела его... Он истиной сияет...

Он будет здесь! Как солнцем, он согрет

Святою истиной... Он истине внимает.

Он свет.

Зейнеб.

Излей сердечко мне... Как воду губка,

Готова я всосать твою печаль...

Молчала ты, Хурет... О говори, голубка,
Ах, до смерти тебя, дитя мое, мне жаль.

Хурет.

Молчала я, в гробу лежала я без света.
Ждала его... Ждала улыбки и приветов...
Но ничего. Лишь мрак и тишина...
В гробу одна, одна...
Теперь я ожила... Живу я снова!
То правда, здесь он, здесь? Скажи, Зейнеб, мне слово
Как долго ждем!

2-я женщина.

Придет ли он? Ах, вся надежда в нем!

Деллал.

Запястье кто купить ли пожелает,
Алмаз! Смотри, как он играет!

Продавец шербета.

Шербет, шербет!

2-я женщина.

А не купить ли мне целебный амулет?

Хурет.

Прошло так много лет... Зейнеб, прошло пять лет
Да, я была в гробу, во тьме все это время...
Для вас, моих родных, носила жизни бремя,
Пока он был вдали,
Мой милый, мой Али!
Зейнеб моя, опять свободно я вздохнула,
Природа небеса внезапно распахнула...
В цветах и радугах сверкает весь простор
С тех пор,
Как здесь, в Ширазе, он... Я вся затрепетала
При этой весточке... Как ласточка весной,
Я стала радостной... Я прежней снова стала!
Зейнеб, так радуйся и ты теперь со мной!..
Что ты молчишь? Его еще я не видала.
Еще не видел он меня... Что ты скрывала
Его приезд, тебе я не прощу... Шесть дней
Он здесь! Шесть дней. Его увижу снова!

Зейнеб.

Увидишь, говорю, лишь будь опять здорова,
Утешь свою Зейнеб...

Хурет.

Пойдем, вон там видней!..
Шесть дней, прошло шесть дней...
А я не знала,
Что здесь он, здесь!

Деллал.

Запястья, одеяла...

Продавец шербета.

Шербет, шербет, шербет!..

Сальгэ.

(Зейнеб).

Неужто ждут Али?.. того, что к нам...

Зейнеб.

Нет, нет...
Молчи, я говорю... (Толпе) Прошу вас, осторожно...
Здесь постели ковер,-
Там, видишь, невозможно.

Хурет.

(Шепотом).

Али придет сюда. Его увижу взор.
Дай руку мне. Мой муж, мой милый, мой единый!
Дай руку мне, боюсь! Зейнеб, я вся дрожу,
Кружится голова, как будто у стремнины
Теперь стою! Зейнеб, что я ему скажу?
Узнает ли Хурет? Молчишь угрюмо?
Захочет ли узнать?
Тебя тревожит дума?
Сердита ты, Зейнеб?..
(Делает движение вперед).

Зейнеб.

(Удерживая ее).

Ты здесь должна стоять,
К нему не подходить... Ведь ты мне обещала...

Придет к тебе... тогда... Закрой же покрывало:

Мужчины тут кругом.

(Поправляет сбившуюся чадру).

(На другом конце слышны в это время гул толпы и обычные предложения торговцев).

Кальянчи.

Кальян, кальян...

Ширазский душистый табак...

Деллал.

Вот одеяла...

Явление IX.

(С противоположной стороны показываются Мухамед Салиха и Маммут-Хан. Им предшествуют слуги, которые разгоняют толпу).

1-й слуга.

С дороги прочь...

2-й слуга.

Скорей...

2-я женщина.

Какой высокий стан!

То он?

1-я женщина.

Нет, нет, скажу: имей терпенье...

Мухамед Салиха.

(При встрече с Калантаром).

Благословен Пророк!

Маммут-Хан.

И вам благословенье...

(В это время часть толпы бросается вглубь сцены).

(Слуге).

Бегущих разгони поток!

(Мухамеду Салиха).

И вам привет.

Мухамед Салиха.

Могу ль вас на мгновение
Остановить?

Маммут-Хан.

Прошу...

Мухамед Салиха.

Хочу теперь на миг
Прервать наш путь, как некогда бывало,
Когда встречались мы, и дружба лишь решала
Дела меж нас в пути... Бумаги не постиг,
Скажу я коротко, что в руки мне попала...
*(Делает знак рукой слуге, который держит в погребце канцелярию
муджтахиды).*

Маммут-Хан.

Муджтахид вы; не мне бумаги объяснять,
Лицу, как вы, что всем законы объясняет.
И строки те, что вы не можете понять,
Никто не постигает.
Не объяснит никто.

Мухамед Салиха.

За что
Все земли отняты мои, что близ Шираза?
Не видели вы этого указа?

Маммут-Хан.

То воля высшая. То воля не моя.

Мухамед Салиха.

В бумаге сказано: я преступил законы;
Законы Божии и всех царей царя.
Не пощадил его короны,
Что блещет, как заря,
Забрызгав грязью дел... Ко мне вы слишком строги,
На честь мою набросили вы тень...
Тут сказано, что я в одиннадцатый день
Второго месяца удвоил вдруг налоги
Всем арендаторам... Вот этого понять
Я не могу никак. Вы знаете прекрасно,
Что в этот самый день налог велел я снять,
Их наложили вы потом...

Маммут-Хан.

Да, да. Согласно
Веленью высшему. Не я страны глава.

Мухамед Салиха.

О, не всегда игра словами безопасна.
Оставимте слова.
Порой кончается и громкий смех слезою,
Вы знаете; тогда не я владел землею,
Я был, неведомо за что, ее лишен...

Маммут-Хан.

Таков закон.
(Разговаривающих окружают некоторые зеваки).

Мухамед Салиха.

Пусть я земли лишен! Но мне вдруг приписали
Все то, чего не делал я.
Ведь очень хорошо вы это сами знали.

Маммут-Хан.

(Уклончиво).
Ференги прибыли и надо, чтоб заря
Была исполнена пред ними на лугу.
Вы будете? Вы честь доставите ференгам?
Спешу... простите же покорного слугу.
(Удаляется к входу на базар, где встречается с бегущим стремительно оттуда потоком людей).

Мухамед Салиха.

(Отходит от толпы в сторону).
Постой, Саттар, вот здесь... Не знаю счета деньгам,
И мне не жалко их... Но вот он хочет честь
Мою, играючи, пятном позорным
Навек покрыть... Но нет! Молву он хочет сплесть,
Что кровопийца я... Я сказкам вздорным
Не дам по всей стране свободно разойтись...
Довольно я силен... О, друг мой, берегись!..

Саттар.

Давно задумал он из мести, без пощады
Нас погубить.

Мухамед Салиха.

Мне он лишь причинит досаду
И больше ничего. Пусть поиграет, пусть...
Что сделает, вперед я знаю наизусть...

2-й прохожий.

Муджтахид будет разорен наверно,
Пойду сказать родным. Безмерно
Все верили ему. За лес
Мне должен он... Вот чудеса чудес...

(На сцене волнение. Народ, как бы в исступлении, ни на что не взирая, несетя во все стороны. Оттискивает муджтахид и его свиту с дороги. Мухамед Салиха без сопротивления скрывается в толпе).

Цирюльник 2-й.

Народ бежит за ним, как дети за сладостями!
Бегут! Зачем? Того не знают сами.
Сеид какой-то мам сюда идет
И вот какой почет!
Купца он сын... Ничто! Не деньги он бросает,
А звонкие слова...
Что говорит, и сам не понимает.

Купец.

И я пойду...

Цирюльник 2-й.

Куда?..

Купец.

За ним... Молва
О нем идет, что высшей силой
Он одарен, что всех излечит, наградит...

Цирюльник 2-й.

Могилой!
Все будет без него. Нас смерть не пощадит.

Явление X.

Новые группы появляются со стороны, откуда должен прийти ожидаемый, и подходят к толпе, скопившейся у базара. Среди них находятся: Сеид Ахмед,

Бушруи, Сеид Гусейн и Гассан, Агка Мухамед, оставивший цирюльника и смешавшийся с толпой.

Сеид Ахмед.

(Молодой, богато одетый. Вид человека, изнеженного роскошью; за ним стоит слуга с ковром. Подходит к группе мужчин, где стоит Агка Мухамед).

Идет... Мулла Гуссейн вперед, а он спокойно,
Как агнец следует... Не видит ничего...
Направлен к небу взор его.
За ним идет толпа, как стадо в поле стройно
Идет за пастухом своим...

Агка

(Из толпы).

Ну, что мы здесь стоим?
Пойдем за ним,
Пойдем ему навстречу.

Сеид Ахмед

(Слуге).

А ты беги, мой друг... ступай ты на базар,
Скажи, что он идет.
(Слуга уходит и вскоре возвращается; становится за господином своим).

Сеид Гуссейн. (Сеид Гассану).

Я этот день отмечу
В ряду прожитых дней! Рассеялся угар
В моем уме, Гассан... Когда я стану стар,
Так стар, как Джемшид сам, того я не забуду,
Что видел, слышал я... То было чудо, чудо!
Али весь путь земной, как солнцем, осветил.
Гассан, я до сих пор, мне кажется, не жил,
Я прозябал, мой брат... То было прозябанье...
Теперь внезапное сиянье
Разлилось вокруг... Слепой я был...
Глаза на Божий мир Али мне вновь открыл,
Словами из глубин души моей мятежной
Извлек все лучшее, что лишь таилось в них...
Я весь дрожу еще, как тот камыш прибрежный,
Что ветром клонится. Когда потом от стих,
Казалось, серафим сошел с небесной дали,

Вокруг красивее, ясней все люди стали.
Оставлю все, за ним пойду, куда велит...

Сеид Гассан.

Чтобы за ним идти, Али не говорит.

Сеид Гуссейн.

И все же я пойду! Сносней прожить без хлеба,
Чем прозябать во тьме. Он истину открыл;
Во тьме густой мой взор сурово стыл,
Теперь увидел двери неба...

Явление XI.

Показывается вдали, с горы Мулла Гуссейн, за ним Али, далее тихо следует толпа.

В ожидающем народе проносится гул. Все оставили дело и присоединились к толпе, в которой слышатся возгласы:

Идет, идет...

Хурет.

Идет сюда возлюбленный Али...
Мы нищие пред ним. Склонись же до земли!
Всем двери истины Али мой открывает...
Что двери истины он сам,
Я знаю! Ах, Зейнеб, как муж к моим устам,
Коснулся он тогда... Теперь нас разделяет
Широкий мир...

Явление XII.

Али приближается. Навстречу ему идет с базара взволнованная толпа, торопящаяся увидеть его.

(В толпе).

Идет...

(Возле Хурет раздается):

Он Баб!

(Вокруг Али проходит шепот):

Ты Баб...

Хурет.

Зейнеб, я умираю...

Мудла Гуссейн.

(Делает знак народу, что Али хочет говорить. Мгновенно все умолкает, замирает).

Али.

Над вами руки я с тоскою простираю...

Хоть я как вы... как вы... Господень кроткий раб...

(Голоса в толле).

Ты Баб... ты Баб... ты Баб!

Али.

Сказали вы, не я... Закрыты перед вами

Небесные врата!

За ними заперта

Незримо истины святая красота.

С одними робкими и льстивыми словами

Век будете стоять у двери запертой,

И не увидите вы истины святой.

Делами мощными, великими делами

Вы дверь откроете!.. Войдите не рабами,

Рожденными немой и загнанной работой!

Войдите смело в них, свободными сынами

Отчизны немощной, но милой, дорогой...

Пусть носится всегда над детской колыбелью,

Где зреет мощный дух мужей родной страны,

Не песня рабская насилья и безделья,

Напев свободных жен великой старины,

Тех жен, прекрасных жен, что смело, как орлицы,

Открыто всем в глаза глядели без завес,

Чьи взоры так чисты бывали, как зарницы,

Что рдеют пред грозой меж туч немых небес!

Кому защитой не стены, не законы,

А женская была святая чистота!

Но где же, где они, свободные те жены,

Подруги, матери? Исчезла красота

У наших бедных жен, как меркнет блеск алмаза

От инея порой. Тотчас же отцветут,

Как розы из Ширази,

Попав под власть лучей пустыни дальней Лут.

И не от времени бледнеют, отцветают

Ланиты матерей, сестер и наших жен!
Для них так краток день, ночь быстро наступает,
Бледнеет лик, когда дух тьмою окружен.
Любви всеблагостной прекрасное светило
Для них на миг блеснет — и скроется в ночи!
Прекрасно то лицо, что счастье озарило,
На ком покоятся любви святой лучи.
Становится оно темней, мрачней могилы,
Коль меркнет вдруг на нем луч счастья неземной...
О братья, сжальтесь же над вашею сестрою,
Над дочерью своей, над матерью родной!..
Коран читайте все! Коран я вам открою:
Страницу видите, а вот строка на ней...
«Бог рай разбил у ног прекрасных матерей»...
Так говорит Пророк... Словам внимайте, братья:
«Когда родится дочь, сказал нам Магомет,
То знак всеблагости, всевышней благодати...
В семью счастливую блеснул небесный свет.
По смерти дочери, на небесах витая,
С толпою ангелов, моляся за родных,
Обступят Божий трон, как горлиц чистых стая!»
Заступниц топчете, гнетете вы своих!..
Читайте аль-Коран: Один есть Бог на небе,
В прозрачной синеве одна блестит луна...
Молитва есть одна об ежедневном хлебе.
Рукою всеблагой до гроба нам дана
Для жизни праведной единая жена.
Читайте аль-Коран: Равно всех жен любите,
Но если усмирить вы сердце, как волну,
Не можете, тогда до гроба изберите
Жену одну, одну...

3-й прохожий.

С женой греховною как должно обращаться?

Али

Читайте аль-коран... Должны вы мирно жить
С женой греховною. Распутывать стараться
Вы с ней греха запутанную нить.
Дано смирение вам Богом и прощенье,
Дана и жалость вам, дана вам и любовь.
Лишь вознесется тот в небесные селенья,
Кто усмирит свою бушующую кровь!

Уймите плоть свою, что дух ваш оскверняет,
И будьте тихими в желаньях и делах...
В излишестве душа свой облик изменяет,
И силы прежней нет в божественных крылах...
Ты жен себе берешь — как роз долин Шираза;
Как розы холишь их затем, чтобы сорвать!
Для плоти лишь своей, для утоленья глаза
Берешь и топчешь их, как тать!
Слезами наших жен пропитаны долины,
Слезами наших жен поля орошены,
Соленые моря, соленые пустыни
Слезами наших жен все, все насыщены...
«Не огорчайте жен...» читаю в аль-коране.
«Не огорчайте жен, сестер и матерей...
Внимай!» Пускай жена не как в враждебном стане
Живет с тобою век под кровлею твоей,
И пусть меж женами и вами покрывало
Не будет толщиной хотя бы в лепесток...
То я вам говорю, как говорил бывало
Своим ученикам и Магомет пророк...
Пускай свободная, она цветет и зреет,
Как роза, без чадры под синевой небес...
Пусть солнце ясное ее ласкает, греет,
Пускай, как солнце, нам засветит, без завес.
Пусть ей защитой от зла земного станет
В дни юности ее одна любовь твоя,
И в дни унылые, когда сурово взглянет
В лицо ей старости коварная змея.
Свободно дай ей цвести ты именем Аллаха,
И с верою в тебя свободно, мирно зреть...
И дай ей отцветать без горести, без страха,
Под взорами любви ей дай ты умереть.
Не надо толстых стен, не надобно запрета,
Ярмо пускай спадет тяжелое... пора!
Пусть цепи вьет любовь и льет потоки света...
Прочь, прочь с лица жены постылая чадра!
Прекрасная жена прекрасного Ирана,
Явись пред нами вновь, как в древние года,
Далекие года святого аль-корана,
Явись, явись опять, как чистая звезда!
Не надо толстых стен, не надобно запрета,
Ярмо пускай спадет тяжелое... Пора...

Пусть цепи вьет любовь и льет потоки света.
Прочь, прочь с лица жены постылая чадра!..

Хурет.

(отделяется от толпы и с горячим порывом, в забвении энтузиазма сбрасывает с себя чадру)

Я здесь перед тобой, я здесь без покрывала!

Пред дверью истины послушная стою...

Чадру, что до сих пор черты мои скрывала,

Бросаю навсегда ее, чадру мою!..

(Хуррет и Али стоят друг перед другом, трепетные, молчаливые. После гула удивления и некоторого ропота выделяются отрывочные фразы:)

1-й прохожий.

Какая красота...

2-й прохожий.

Такой и не бывало.

3-й прохожий.

Такой меж Гурий нет в небесах в раю!..

1-й прохожий.

И будь она моя, луна бы не видала

Жену красавицу, как светлую зарю...

(Настает молчание).

Хурет.

(не спуская глаз с лица Али, который стоит бледный, с неприступным взором, опускается перед ним на колени. Взволнованно, но решительно).

Из дома в дом пойду, и речь, что отзвучала,

Я сестрам расскажу... Им силы в грудь волью!

Томящимся в стенах, покинутым, забытым

Слова покажутся росой в знойный день!

Путем их поведу, надеждою увитым,

Под сень святой любви и веры вечной сень...

О Баб! На подвиг мой мне дай благословенье,

Меня благослови

На подвиги терпенья,

Любви, святой любви,

Святого отреченья!..

Али.

О, встань! Иди! О, встань!..

Хурет.

Али... О, Баб...

Али.

Иди... Господень я покорный, жалкий раб...

Явление XIII

Те же и Салман.

Салман является со слугами, держащими носилки, и прислужницами; он озирается в толпе, точно ищет кого-то. Увидев Хуррет, Зайнеб и Сальгэ, проходит к ним сквозь толпу, которая невольно расступилась, и делает знак прислужницам, чтобы они помогли Хуррет сесть в носилки. Те исполняют, и Хуррет, находясь точно в забытьи, подчиняется.

Хурет.

Томящимся в стенах, покинутым, забытым

Слова покажутся росой в знойный день.

Путем их поведу, надеждою увитым,

Под сень святой любви и веры вечной сень!

На подвиг вечный мой любви и отречения...

На подвиг отречения...

Ты двери истины... Ты Баб...

(Хуррет уносят. Салман, Зейнеб и Сальгэ за ней. Несколько мужчин и женщин из толпы за ними же).

Али *(голосом полным тоски).*

Господень жалкий я, смиренный, слабый раб...

Вот там дрожат лучи последние заката...

Мудла Гуссейн

(обращаясь к толпе тоном полным таинственного страха и обоготворения).

Он впал в забытие...

Али.

Померкнет скоро свет...

Но дня прекрасного дождетесь вы возврата,

Я — нет...

Гуссейн (народу, как прежде).

Он впал в забытие... Вознесся духом снова
К незримому Мегди...
С ним будет говорить. Не скажет нам ни слова...

Али.

Иди!.. Иди!..
Ах, там дрожат лучи последние заката,
Померкнет скоро свет...
Но дня прекрасного дождетесь вы возврата,
Я — нет...

(Тихо уходит. Впереди Мулла Гуссейн, за ним толпа... С минаретов раздается зов муэдзина. Из толпы в разных местах некоторые остаются и становятся на колени тут же для молитвы. Между ними Мухаммед Салиха, который во время всей речи Али, на противоположной стороне от Хуррет, стоял, опершись о выступ здания, и, как изваяние, почти все время оставался неподвижен под обаянием слов Али. Лишь во время речи Хуррет он сделал движение вперед, но, владея собою, снова погрузился в думы.

Когда Али с толпой уходит, он вытирает навернувшиеся слезы и следует за толпой. Свита его за ним. Вдали слышны призывы муэдзина с минарета).

ЗАНАВЕС.

Действие III.

Действующие лица:

Баб.

Агка.

Мулла Гуссейн Бушруи.

Сеид Гуссейн.

Сеид Гассан.

Сеид Ахмед.

Ассад (молодой поэт).

Слепой старик, дервиш.

Мальчик (его поводырь).

Цирюльник 1-й.

Начальник дозора.

1-й землевладелец

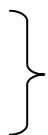
2-й землевладелец

1-ый,

2-ой,

3-ий,

4-ый,

Ферраши

Муриды (последователи Баба)

Солдаты-ферраши, земледельцы и др.

Действие происходит в 1848 году за городом в Ширазе. Гористая местность, где расположены амфитеатром и тремя террасами развалины древнего дворца Дария Гистаспа, известного в народе под названием «Трона Джемшида». К террасам этой величественной руины, состоящей из стен и колонн и изображений человеческих фигур, крылатых быков и т.п., ведет широкая лестница из черного мрамора. У некоторых фигур отбиты головы, крылья. На одной из террас возвышается памятник.

За колоннами, сохранившими остатки капителей, в зазубренных стенах виднеются двери. Все здание носит на себе характер стилей греческого и египетского. Вдали видна река Пульвар. Ночь. Месяц и звезды на темном небе.

Между 1-м и 2-м действием проходит год.

Явление I.

Ассад (*восторженный, статный юноша с фонарем в руках, напевая бродит среди развалин*).

Зюлейка, Зюлейка, умру я любя!

Скорее на небе светило дневное

Погаснет внезапно прекрасной весною,

Чем я позабуду тебя...

Зюлейка, Зюлейка, умру я любя!

Скорее умолкнет мятежное море

На всем беспредельном широком просторе,

Чем я позабуду тебя...

Зюлейка, Зюлейка, умру я любя!

Забуду скорее заветы корана,

Скорее забуду я имя Ирана,

Чем я позабуду тебя...

Явление II.

Сеид Ахмед и Ассад.

Сеид Ахмед.

Алла Акбар! Не слышу я ответа.

Поет! То песнь любви, то сердца стон.

Покуда песнь его не будет вся допета,

Мне не ответит он.

(Ставит фонарь и садится на опрокинутую колонну).

Ассад.

(Издали).

Кто здесь?

Сеид Ахмед.

Приди сюда и будет нам светлее.

Здесь тот, кто слушал песнь твою, прервать не смея...

Алла Акбар!

Ассад

Алла Азам! Я рад,

Что нравится тебе она. В душе, в уме я
Лелею песен клад.

Сеид Ахмед.

Ах, песенку твою мне слушать было сладко!
Я сам пою украдкой.
Зачем уходишь ты? Ты б спел
Мне что-нибудь еще.

Ассад.

Я посмотреть хотел,
Не спрятан ли здесь кто, и нет ли где засады.

Сеид Ахмед.

И не боишься ты?

Ассад

Для каждого удел
Намечен в небесах. И для Ассада
Нет ничего, мой друг, чего б страшился он.
Недаром я с отцом переходил пустыни,
И горы, и леса. Товаром нагружен,
Он смело шел вперед, а я за ним. И в сыне
Спокойствие отца осталось навсегда.
(Показывает рукою).

Еще там не был я. Пойдем со мной туда!
Я расскажу тебе, как в зендеруне хана
Ее увидел я... Ее! Торговцев, нас,
И в тихий зендерун пускают в каждый час.
Наряды продаем! Не видел лучше стана,
Не видел лучше глаз!
Красива, как луна! Ее увидел раз,
Лишь раз один! «Сверни ковер твоих желаний»,
Сказал отец. «Пойдем! Терпения ковер
Ты лучше разверни!» Ушли мы. В Испагани
Увидел Баба я... Он распростер
Словами тихий мир над морем бурным
Души моей, и я пошел за ним навек.
Но небесам лазурным,
И лесу темному, и озеру Намек
Я красоту пою Зюлейки милой!
Я буду петь о ней всей силой
Моей души всегда... всегда...

Ну, что ж, пойдём, пойдём туда!
(Показывает направо. Оба направляются в ту сторону).

Сеид Ахмед.

Меня пленил наш Баб своею красотою.
Красив, красив!
Ах, речь его такой вся дышит простотою!
Есть что-то в ней... Красив он мыслью и делами,
Движеньем и лицом.
Люблю я красоту в всем,
И вот зачем я с вами.
(Тихо уходят, Ассад, напевая за сценой).

Явление III.

Агга и цирюльник 1-й с фонарями.

Агга.

Увидишь ты его. Да, да, и я уверен,
Пред ним не устоишь, мой друг, и эта ночь
Тебя преобразит. Ты будешь наш.

Цирюльник 1-й.

Не прочь

Увидеть Баба я. Но я не лицемерен,
И я скажу...

Агга (перебивая).

Теперь за нас: муллы, сеиды,
Не только что народ. В стране родной
Деревни нет одной,
Где б не были бабиды.
Настанет, наконец, прекрасная пора!
Ты должен с нами быть! Дадим стране мы счастье!

Цирюльник 1-й.

Песчинка я одна...

Агга.

Слагается гора
Из мелких камешков, песчинок, и ненастья

Скрепляет их навек. Песчинкой ляжешь ты
На грозную скалу, и с ней скалою станешь.

Цирюльник 1-й.

Мечты, одни мечты!

Себя введешь в обман. Меня ты не обманешь!

Агка.

Теперь колеблешься, но будешь ты за нас!

Цирюльник 1-й.

И то я ваш душой, — душой, но не руками.

Нужны мне руки, друг, чтоб мог я каждый час

Для деток хлеб делить кусками,

Чтоб мог насущный хлеб я каждый день нажить.

О горестях чужих мне некогда тужить.

Ну, что же? Скоро ли сберутся все бабиды?

Пошел я за тобой,

Чтоб другу не нанести обиды.

Агка.

Сюда сходится не гурьбой

Должны, чтоб не привлечь вниманья стражи.

Цирюльник 1-й.

Какой?

Агка.

Конечно, городской!

Цирюльник 1-й.

Той стражи,

Что те отыщет лишь пропажи,

В которых и сама участницей была?

Купить ее легко. Купите! Как скала,

Нема и неподвижна станет.

Агка.

Нет, золотом ее купить мы не хотим —

Иначе угостим

Ее, коль явится! Рука моя устанет

Дары ей подносить, не сердце! Весь народ, —

Народ страдающий, мечту одну лелеет —

Свергнуть ярмо! Поднять свое чело! Вразброд

Мы сходимся сюда! Увидишь, заалееет
Для нас заря...

Явление IV.

Входят один за другим с фонарями муриды.

1-й.

Алла акбар!
Велик наш Бог!

Агка.

Алла азам! Привета
Нет лучшего для нас.

Цирюльник 1-й.

А если калантар
Про это сборище узнает до рассвета,
Нас всех с лица земли сотрет!

Агка.

Никто из нас, мой друг, без боя не умрет.
Мы меры приняли... Ты видишь, друг мой, это?
(Показывает под плащом оружие).

Пускай придет,
Мы с ним сведем здесь счет!
К тропинкам, что ведут сюда, мы стражу
Расставили... Должны предупредить сейчас,
Лишь явится дозор.

Цирюльник 1-й.

Не слышу ли рассказ из Шах-Наме?
(Трогает себя за ухо).

Дай мысли я улажу,
А то мне кажется, что слышу я во сне.
(трет лоб).

Агка.

(подводит цирюльника 1-го к одной из потайных дверей, открывает их и указывает ему на грудку оружия. Вынимает меч и показывает ему).

Цирюльник 1-й.

Нет, нет! то снится мне?
Ты б лучше дал мне бритву
Сумею лучше с ней, поверь, пуститься в битву.
Да, правда! Вечером о том не говори,
Что станешь делать ты до утренней зари...
Хотел в семью попасть на ужин,
А вот бунтовщикам я оказался нужен.
И с ними коротаю ночь...
Чем мог бы вам помочь?
Неужели, скажи, пред бедою грозящей
Поднимется молчащий,
К земле придавленный народ!..
Терпением одним живи из рода в род...

Агка (*прерывая*).

Предел есть и терпенью!

Цирюльник 1-й.

Мне любопытно все, мне любопытно страх!..
Решится наш народ с оружием в руках...

Агка.

Пройдет твое сомненье,
Когда средь нас увидишь Баба ты.
Все станет ясно,
Когда увидишь взор небесной чистоты.
Проснется мысль твоя с бабидами согласно...

Цирюльник 1-й.

Нет, нет! То лишь слова, одни слова!

Явление V.

Слепой старик и мальчик (с фонарем).

Слепой старик.

Сюда ли я пришел? Кружится голова.
Алла акбар!

Агка.

Сюда.

Слепой старик.

К невидимому свету
Глаза обращены. Пришел ли я сюда?

Агга.

Алла азам! Ты слышишь по привету,
Что ты между своих.

Слепой старик.

(мальчику).

Горит ли там звезда?

Мальчик.

Да, звездами теперь весь небосвод усеян.
(Усаживает его).

Явление VI.

Все время являются то по одному, то по два бабиды с фонарями.

5-й и 6-й.

Алла акбар.

Присутствующие на сцене отвечают:

Алла азам!

Слепой старик.

За песни старые толпою был осмеян
Я там...

Явление VII.

Муриды 7-й, 8-й, 9-й.

Алла акбар! Еще не опоздали?

Ответ.

Алла азам! Нет, нет!

Явление VIII.

Муриды 10-й, 11-й, 12-й.

Устали!

Алла акбар! Алла акбар!

(им отвечают присутствующие: «Алла азам»)

Старик.

Рассеян юности угар,

Я слаб, я стар!

Полна душа желанья

Услышать, что страданье

Исчезло на земле.

Что загорелся свет во мгле!

А там готов я лечь в могилу.

В надежде нахожу я силу

И жить, и петь.

Надежды золотая сеть

Мои хранила кости...

Цирюльник 1-й.

Ну что же, гости

Не все еще собрались,

Наверно, испугались

Плетей,

Что без затей

Им влепят за ночное бденье!

Агка.

Свет истины убьет твое сомненье!

Явление IX.

Ассад и Сеид Ахмед (с толпой бедняков-земледельцев, которые являются без фонарей).

Ассад (Агке).

Я их нашел вот там, и без труда

Привел сюда.

Агка.

Как очутились здесь?

1-й земледелец.

Еще мы до заката

Из города пришли... Мы знали все, что брата

В тебе найдем всегда и помощь. О, Агка!

Как был ты прав! Агка! Не правосудье,

Обиды мы нашли...

2-й земледелец.

О люди, люди, люди!

1-й земледелец.

Казалась бы нам смерть легка,

Но отняли от нас все, все... Веревки

Оставить нам судья не захотел,

Чтоб нам повеситься... И я остался цел...

Ах, по миру всех нас пустили!..

Цирюльник 1-й

По головке

Не будут гладить вас. Да, да!

1-й земледелец.

Агка, Агка!

Хотим с тобою быть. Вот, вот тебе моя рука.

Пойду, куда велишь. В груди иссякли слезы,

Вся высохла из глаз моих роса...

Проклятья и угрозы

На языке моем... Не слышат небеса...

За свист плетей по пяткам

Хочу я отплатить; в долгу

Мы не останемся. Покорного слугу

Попомнят палачи!

Агка.

Порядкам,

Что обращают наш закон

В пустой и вздорный сон,

Положим мы конец желанный!

Положим злу конец;

Послал предтечу нам Творец

Сахбуз Замана, да, звезду в ночи туманной!

Он Баба нам послал.

Ассад.

(Ахмеду).

Он любит, как и я, бродить меж скал,
Где филины себе свивают гнезда.
Глядит часами он, как звезды
Лучи серебристые бросают на Пульвар...

Слепой старик.

О я б им показал. Но стар я, стар!

Агка.

(Ассаду).

На стражу

Ты встанешь там.

Явление X.

Входят еще муриды: 13-й, 14-й.

Оба.

Алла акбар!

Все.

Алла азам!

Один из муридов.

Придет ли Баб?

Агка.

Придет.

Мурид.

Когда же?

Агка.

Да, да, он явится, и с ним
Мулла Гуссейн, Гассан. Навстречу поспешим!
(Уходит).

Старик.

Желанием томим
Услышать речи
Великого предтечи.
Чтоб кровь мою согрел
Луч правды снова!

Сеид Ахмед.

(Ассаду).

Опасно там стоять! Ты знай!

Ассад.

Так что, я смел!
И мне опасности не новы!
Там филины летают, совы.
Один стоять я рад средь гор,
Там буду воспевать Зюлейки взор!

Явление XI.

Сеид Гуссейн, Сеид Гассан, Мулла Гуссейн, Бушруи и Агка.

Входящие.

Алла акбар!

Остальные.

Алла азам!

Сеид Гуссейн.

Совет мы скоро
Начнем. Он нас и Бушруи
Сюда послал.

Мулла Гуссейн.

Да, да... Его речей струи
Польются лишь, когда без спора решение примем все.
(Делает знак Агке, как бы предлагая продолжать).

Агка.

Перед собраньем он
Бывает робок, тих, в молитву погружен...
В небесный мир, к святым и к Сахебуз Земану,
К великому Мехди уносится душой.

Берусь за речь, друзья, с тревогою большой.
И за него теперь тут говорить я стану.
Его молчание красноречивей слов,
Всех слов, что ум наш зарождает!
Его же слово так блестит, горит, сверкает,
Как солнца ясный луч. Но говорить готов
Я за него... Хоть я дрожу... В душе тревога!
Кто осенил его, тот и мои уста
Благословит. Друзья, надеюсь я на Бога...
Да будет речь моя кратка, проста.
Но выслушать меня вы все ль согласны?
Не то умолкну я, и к вам напрасно
Не стану я звать?..

Все.

Согласны, мы согласны.

Агга.

(Поднимается на террасу, становится на камень рядом с фигурой крылатого льва.

Все усаживаются вокруг, там и сям).

Мир жаждущим лицезрения Господа, ищущим Его!

Мир вам!

Все.

(благоговейно).

Мир тебе. Тебя мы слушаем.

Агга.

Друзья, по возгласу, Алла акбар, мы всех
Пуускаем к нам. Возьмет ли кто на душу грех
Нам изменить теперь? Чтобы в великом деле
Измены не было вовек,
Пусть скажет каждый человек,
Какие цели
Его к нам привели, и чем горит душа!
Пусть скажет не спеша,
На жертву родине все чувства, все желанья,
Всего себя готов ли он принести,
Не убоится ли жестоких испытаний?
Я сам несу вам весть,
Что час настал уйти от разговоров
И перейти к делам. От жадных взоров

Калантара теперь укрыться нам нельзя.
Ферраши там, друзья,
Готовят уж для нас те казни,
Что хуже всех смертей; и мыслить без боязни
О них нет сил. Позор они страны. От тут,
Он близок; час...

Мудла Гуссейн.

(Выступает вперед).

Что нас в Мазендаране ждут,
Хочу я вам сказать. От мала до велика
Там преданы нам все, за нами все пойдут,
Лишь ждут
Условленного клика.
Ирак готов. За ним Адарбейджан...
Я вести те узнал сегодня на базаре.
Как ураган,
Носились вести все. Я слушал, как в угаре.
От радости я, как в огне, горел...

Агка.

Из семени того, что засекала злоба,
Уж плод созрел...
Пусть им насытится врага утроба.

Мудла Гуссейн.

Но должен я сказать, что много видел там
Я лиц, что к пламенным устам
Моим приникли жадным ухом.
Потом они все шли за мною по пятам.
Поверив слухам,
Пожалуют они, быть может, к нам.
От них едва я увернулся.

Агка.

Пускай придут. Дух праотцев просунся
У нас в сердцах.
Пускай придут! С мечом в руках
Мы встретим их, гонителей презренных,
Мы их сразим!
Чтоб не было вовек пленяющих и пленных!
Мы знамя Бабово над миром водрузим!..

Все.

Мы все пойдем за ним!
(Несется гул по всему собранию).

Пойдем!

Пойдем!

За ним!

(Молчание).

Агка.

(Когда они успокаиваются).

Когда, как если бы во имя шаха
(Раздавая оружие, обращаясь к некоторым оставшимся внизу).

Появится дозор, останьтесь меж колонн!
(Обращаясь к группе людей на террасе).

Вы именем могучего Аллаха
Сомкните здесь мечи. Мы их со всех сторон
Тут окружим; здесь мы, а вы из-за колонн.
На площади давно готовятся нам плахи.
В тюрьме
Готовы нам места, колоды, плети...
И в мстительном уме
Готовят муки нам. Но мы теперь не дети,
И жизнь играючи свою не отдадим!
Смените стражу там. Скажите им,
Чтобы совет держать мы здесь могли спокойно
Пускай поют!
И свистом о враге пускай нам знать дают.
Все надо исполнять без смуты, стройно...

Сеид Ахмед.

(Ассаду).

Где на Шираз дорога вся видна,
Там будешь петь, и песнь твоя все та же!

Ассад.

Ах, грудь вся песнями полна,
Я их спою на страже!..

(Мулла Гуссейн и Агка продолжают раздавать всем оружие. Некоторый перерыв).

Сеид Гассан.
(*Сеид Гуссейну*).

Придет ли он? Задумчив стал
Теперь он более еще.

Сеид Гуссейн.
Придет.

Сеид Гассан.
Едва ли!
Он все молчал,
Когда совет при нем держали.

Сеид Гуссейн.
К Мегди душой унесся он,
И впал в забытие. Небесный сон
Пройдет. Он явится! Нам даст благословенье
И озарит прекрасное мгновенье
Лучами ясных глаз.

Агка.
Огонь внизу тушить! Чтоб вас
Не видно было там, когда придут ферраши.
(*Пауза. Как бы проверяет, все ли исполнено и все ли сделаны распоряжения.*
Внизу тушат огни).

Вы наготове все мечи держите ваши.
Так хочет сам Аллах. Терпения года
Прошли. Настал великий час суда.

Цирюльник 1-й.
Порой ночью
Творить возможно ли суд? Нам кажется и куст
В тени большой скалой. Да, ночью все страшнее!

Агка.
При свете не всегда бывает все виднее.
Дай слово слышать нам из мудрых уст.
Ты скажешь, мы не правы?
Что? Мы не бедствуем, скажи?
И визири не жадны, как стрижи?
И наших мулл не грязны нравы?
Плоды с дерев родных не рвут,
Не рвут они, а нам лишь прутья оставляют?

Не знаешь ты, что нас, как трости, гнут?
Что плети каждому всечасно угрожают,
Коль визирю приснится сон дурной?
Не должно править суд во тьме ночной?
Кричим мы в каждый час, когда сочится рана,
Не думая о том, что поздно или рано.
Ты этого не хочешь знать:
Мудлы, что головы должны бы наполнять
Словами Божьими, а не свои карманы
Деньгами нашими — ведь это наша знать!
Не знаешь ты, что все возможно, коль томаны
Ты можешь расточать?
Не знаешь, друг, о том, что правосудье тайно,
Как грешница в ночи, себя всем продает,
Что пожинает ложь и блага и почет?
Того не знаешь ты, что ты живешь случайно
По воле всякого судьи?

Цирюльник 1-й.

Не тайно продает себя закон в Иране,
А явно... Знаю, да... Он зыбче той ладьи,
Что без весла, руля колеблется в тумане
На волнах озера. Щетиною одной
Доволен редкий лишь кади или правитель.
Сто шкур с тебя сдерут. Кади будь брат родной,
Коль ты пришел к кади — ты жертва, не проситель.
Аллах! Неизлечим отечества недуг!
Я знаю, бедствию забота не поможет,
Пусть сердца мне она не гложет...
Там голод ждет давно. Скорбеть нам недосуг...
Не редкий друг у нас он, голод, голод лютый!
Опустошил страну... Костлявою рукой
Жестоко давит жизнь... Он налагает путы
Тяжелые на нас... Как царь с мечом — с клюкою
Он ходит по стране... Склоняемся невольно
Пред ним мы в прах,
Довольно!
Не можем мы с мечом в руках...

Агга.

Да, голод... голод... вот... тиран он из тиранов,
Вливает в сердце нам могильный он покой.
В стада покорные баранов

Он обращает весь покорный род людской.
И вот я говорю: Господь послал нам землю,
Чтоб равно из плодов ее кормиться нам.
Так он сказал, Али... Его словам я внемлю,
И вторю я его, его словам.
И вот я говорю, что бедность и богатство
Постыдный, низкий грех!
Где равенство царит великое и братство,
Там есть кусок для всех.

Все повторяют.

Там есть кусок для всех!

Сеид Гуссейн.

Как море синее та истина бездонна.

Агка.

Богатство, нищета — враги!
И нет оружия, чтоб против них законно
Нельзя бы обратить. Аллах, нам помоги,
Как Магомету
Ты некогда помог!
Пусть землю эту,
Как твой чертог,
Святая истина своим лучом небесным
Вновь осенит...

Все.

Вновь осенит!

Агка.

И мрак, где тонет дух, вновь осветит...

Некоторые.

Вновь осветит!

Агка.

Сойдемся кругом тесным
И дружно, как волна, что бьется о скалу,
Зальем страну свою живительною влагой,
Внесем в сердца отвагу,
И братьев поведем сквозь мглу
К лучам небесным света.
Согласны ли со мной? Я жду от вас ответа.

Проходит скоро ночь,
Быстрее стрелы часы несутся прочь!
Недолго до рассвета!
Быть может, что дозор еще спокойно спит.
Что о царе царей теперь он не тужит!
Но так не будет длиться вечно,
Не будет вечно спать!
Да, время быстротечно...
И может быть, как тать,
Вокруг он рыщет,
Желая лишь дождаться дня...
А днем легко меж гор он нас отыщет.
Послушайте меня.
Спешить нам надобно. Должны принять решение.
Вам для раздумия даю еще мгновенье!
Всей правды развернул я тканьь...
Кто хочет говорить, тот встань!

Слепой старик.

За песни старые сегодня был осмеян!
И правы, да! Я был рассеян!
Я сам устал их петь, я сам...
Уж сердце более не вторит тем устам,
Что их поют давно, привычкою, невольюно.
И стыдно стало мне. Довольно
Лишь сеять плач и стон
Унылой песнею о бренности земного,
Той песнею, что в тяжкий сон
Ввергает весь народ. Из времени бывшего
Найду рассказ и вам спою:
Как кроткий Ормузд повергнул Аримана
В бою,
И мглой окутался небесный свод Турана,
И светом озарен прекрасный был Иран...
Как ночь ушла, рассеялся туман,
Как дух могучий зла воспрянул вновь над миром.
Изменчива судьба!
Но дух добра, Ормузд, замученным и сирым
Твердит из тьмы веков: «Не кончена борьба!»
Настанет снова день прекрасный над Ираном,
Растает зла холодная кора!
С имамом благостным Мегди Сехбуз Земаном
Настанет царствие добра!

Я песней новою надежды
Сердца будить хочу... Чтоб на Ормуздов клик
Вы вновь воспрянули, открыли ваши вежды,
Чтоб дух ваш пред судьбой уныло не поник...
Да, див могучий зла все царствует над миром!
Изменчива судьба!
Но дух добра, Ормузд, замученным и сирым
Твердит из тьмы веков: «Не кончена борьба!»

Все повторяют.

«Не кончена борьба!»

Агга.

Да, песнею, порой, как плугом,
Сердца готовятся, чтоб воспринять посев...
Чудесный твой припев!
Не будем сказку бед рассказывать. Друг с другом
В иной, спокойный час о ней поговорим.
Нет времени, и здесь ее мы не продлим.
Мы знаем злой недуг, что гложет
До смерти родину. Тут слово не поможет!
Довольно мудрых слов. И птицы не поют,
Когда их разоряют гнезда!
И пташка борется за свой родной приют
При солнце днем и в час, когда сияют звезды.
Над хищником кружась,
Прочь от гнезда она врага гоняет.
А нас
Свободно враг терзает!..
Довольно, да! Нас ждет Мазендаран!
От ига тяжкого там ждут освобожденья!
Готов наш караван!
Кто тверд душой, в чьем сердце нет сомненья,
Отправится со мной, или в Адарбейджан
С муллою Бушруи! — там сеять семя
Ученья нашего... Да, да! Настанет время
Возмездия, как час теперь настал суда.
Прошел молчанья час, настало время гнева!
Молчал и Демавенд... Он долгие года
Хранил грозу в груди, пока из зева
Не полились вокруг
Потоки жгучие огня и темной лавы...
Так и народ молчал... Ах, нет в молчаньи славы!

Как исцелить, друзья, страны родной недуг?
Коли гниет рука — ее нам нежить поздно:
От тела надобно ее нам отрубить.
Должны мы также грозно
Судьбы родной страны порвать гнилую нить!
Согласны ли со мной, скажите, вы согласны?
Сеид Гуссейн что скажет нам?
При Бабе он всечасно;
Ко всем его мечтам, небесным чудным снам
Он ключ нашел умом, как Эльборус, высоким,
Как море синее, глубоким,
К хранилищу его высоких грез!

Сеид Гуссейн.

От Баба амулеты вам принес!
Скажу вам всем: О страх, из сердца вмиг исчезни
И скройся навсегда во мглу немых ночей!
Они вас охранят от вражьих пуль, мечей,
От страха, праздности, болезни,
От злых стастей.
Но раньше, чем принять решение,
Молитву мы прочтем тому,
Чье слово — повеленье,
Кто осветил нам тьму!
(Преклоняют колени и все за ним).
О, Баб! Посланник ты имам Сехбуз Земана,
Великого Мегди! На изменной земле
Блестишь в туманной мгле,
Как та звезда над горестью Ирана!
Ты луч от божества. Открыл ты к небесам
Нам двери истины, — и в них сияешь сам...
Кто научил познать Аллаха?
Пророки все и ты!
Кто научил нас чтить Аллаха?
Пророки все и ты!
Кто прославлять вовек Аллаха
Нас научил?
Пророки все и ты!
Явись к нам снова!
Бог слово дал тебе, скажи святое слово!
Приди!

Агга.

(Поднимается и все за ним).

В груди,
В груди моей дрожит то слово, что вы ждете
Услышать в эту ночь: «Борьба, борьба!»
С времен ормуздовых оно звучит. Несете
Вы все его в душе. Да, такова судьба!
Людская жалкая судьба!
Во все века, от Феридуна,
Его несчастных сыновей,
И до сынов несчастных эндеруна
Печальных наших дней —
Несется слово то раскатом
По саклям и палатам.
Порой стихает крик, чтоб снова понестись
Сильнее и грозней, и в ширь, и в высь...
Иначе бы в ночную эту пору
Мы все не поднялись бы в гору,
Не встретились бы здесь!
Нет, век наш весь
В долине тьмы бы мы молчали,
Полны печали...
Мы б лобызали руку ту,
Что нас ввергает в нищету,
Что бьет нас по ланитам...
Мы пресмыкались бы у ног
Безумцев тех слепых, что по полям, политым
Слезами нашими, идут, святой чертог
Терпения, труда беспечно попирая,
Топча надеянный посев,
Чтоб колосок сорвать... Нет, от стыда сгорая,
Мы б до сих пор наш гнев
В груди больной таили,
Поникнув головой!
На собственных плечах мы б палачей носили!
И мы собрались здесь... Над этою горой
Царит дух Джемшида, и дети мы Шираза,
Гафиза родины, великих мудрецов!
Дух праотцов сиял светлей, ясней алмаза;
За ними также мы воспрянем из оков!
Не для того сюда собрались мы, о братья,
Чтоб, разойдясь, вновь шею гнуть,

И чтоб уснуть,
Вновь погрузясь в сонливые объятия
Печали низменной... Пришли мы для проклятья!
Для гнева мы пришли сюда!
(Из груди всех вырывается подавленный клик сочувствия).

Все.

Да... да...
Для гнева мы пришли сюда!..

Агга.

Проклятье сеющим беду на наши нивы,
Сбирающим плоды, спокойно, горделиво
В закромы темные без тяжкого труда,
Не знающим добра, не знающим стыда!
И, как вулканы льют потоки грозной лавы,
Из наших уст на них проклятья вознесем!
Внесем
В их игрища, веселья и забавы
Проклятий страшный яд...
Пускай наш взгляд,
Наш каждый взгляд
Несет им смерть, проклятья!
Ах, грудь моя слаба,
Чтоб крикнуть на весь мир: Борьба,
Борьба со злом, о братья!
Пускай встает она безумная, нагая!
Мольбы к Всевышнему слагая,
Потушим зло навек! О Боже, нам внемли!
Пусть царствие Твое настанет на земли!..
Так он бы вам сказал. Что сердце Баба скрыло,
Звучит в моих устах... В ком рвение остыло,
Пусть тот уйдет без слов. Кто с нами, тот свой меч
Пускай возьмет и пусть клянется он, что лечь
Готов на поле брани,
Что муки перенести за Баба он готов!..
Я говорю заранее, чтоб споров не было, излишних слов...
(Несколько человек встает и уходит).

Цирюльник 2-й.

(Тоже делает движение, чтобы уйти, потом опять садится. Уходящих молча пропускают.)

(На середине этого монолога со стороны гор показывается Баб. Он слушает. По мере того, как продолжается речь, лицо его омрачается. Когда читают обращенную к нему молитву, он слушает как человек, не понимающий, что происходит вокруг. В конце он остается, точно пораженный, неподвижный. По небу проходят тучи, которые то застилают луну, то открывают ее. Лицо и фигура Баба то освещены, то погружаются во мрак. Находящиеся внизу не видят его).

Агка.

Пусть имя Бабово не молкнет в нашем стане.

Пока мы знамени его не водрузим,

Пойдем за ним,

За ним!

Клянемся счастьем небесным,

Аллахом, духом бестелесным!

Клянемся Бабом мы, клянемся им самим,

Что мы пойдем за ним...

Сказал и Магомет: сражайтесь без боязни

С врагом

Словами и мечом,

Чтоб вас сразить ему и не было соблазна!

Мы клятву вновь начнем.

Старик.

(Встает, повторяет клятву. Все за ним).

Клянемся счастьем небесным,

Аллахом, духом бестелесным!

Клянемся Бабом мы, клянемся им самим,

Что мы пойдем за ним!

(Тишина).

Агка.

Не слышу песни я. Идут на нас ферраши!

В сердцах держите клятвы ваши,

Мечи в руках!

Явление XII.

Раздается свист и вбегает Ассад и другие расставленные на стражу бабиды.

Агка.

Дорогою одной —

За мной!..

(Становится на возвышении спереди, у края террасы.

Все становятся за ним и обнажают мечи).

Явление XIII.

Ночной дозор. Десятка три феррашей с начальником во главе. Некоторые несут факелы.

Начальник дозора.

Сдавайтесь все сейчас во имя шаха!

Агка.

Пророка именем и именем Аллаха

Скажу тебе: ступай дорогою своей!..

Начальник дозора.

Когда дадим тебе мы сто плетей,

Ты станешь вмиг умней:

Научим говорить тебя, приятель.

Есть плети с нами, друг, найдется и каратель!

Агка.

Коль жизнью дорожишь, ступай скорее прочь!

Я говорю тебе: ступай в свое жилище,

Не быстро так пройдет вот эта ночь,

Как станешь трупом ты. Уйди скорей, дружище!

Начальник дозора.

Уйми язык. Получишь сто плетей,

Недаром простоит в Ширазе плаха!

Во имя шаха —

Вперед...

(Ферраши наступают).

Агка.

(С иронией, давая на себя наступать.)

Пощады нет! Я на поклон

Приду...

(Когда ферраши почти все взошли на ступени, Агга громовым голосом кричит).

Из-за колонн!

(Мгновенно выскакивают из-за колонн скрывшиеся бабиды).

Ферраши.

Во имя шаха!

Агга.

Грозит нам плаха!

Ха-ха! в штыки!

Мне жаль, что у меня всего лишь две руки!

Ха-ха! Грозит нам плаха!

Лишь две руки имею я,

Как жаль! За мной, друзья!

Среди феррашей происходит смятение. Их бьют с обеих сторон, факелы и фонари потушены. Часть их убита, часть — ранена. На ступенях и на площади падают трупы и умирающие.

(Вначале, когда на них напали из-за колонн, слышны возгласы между феррашами).

1-й ферраш.

Измена! Ах, измена!

2-й ферраш.

Сойдите со ступеней...

Измена!

3-й ферраш.

Беги!

О, Боже, помоги!

4-й ферраш.

Во имя шаха,

Спасите! Ах, во имя шаха!

(Воцаряется тишина).

Агга.

Начало сделано. Желанием Аллаха,
Страдания век, как ниву — жар,
В нас духа не убил. Воспрянул он из праха,
Воспрянул он! И млад, и стар
На муки все пойдут без страха...
О злобе палачей, о ряде наших бед
Не будем поражать мы света мрачным слухом,
Как было до сих пор!.. Воспрянем духом,
Делами мощными мы поразим весь свет!
Вселенная пойдет за знаменем свободы,
За нами все пойдут, все царства, все народы!
Оставим мертвым тут мы мертвых хоронить,
Нам жизни не связать разрезанную нить!
Здесь пыль от наших ног стряхнем теперь, о други,
И Баба именем лечить пойдём недуги
Страны родной,
За мной, за мной!
(Уходит в двери развалин).
(За ним все).

Явление XIV.

(Слышны стоны раненых. Баб в каком-то забытии сходит с горы на террасу, где лежат убитые и умирающие).

1-й ферраш.

Я умираю!

2-й ферраш.

От жажды я стораю!..

3-й ферраш.

О, помоги!

4-й ферраш *(в бреду).*

Беги, беги!

Баб

То слышали мои ли уши?

Моя ль внимала голова?

Я видел тут огнем охваченные души?

Агга тут повторял мои ль слова?
Сердца их здесь в огне проклятий загорались!
Зажег ли я костер!? Как струны, так порвались
Все мысли в голове... Нет, нет, того я не сказал.
Носилась речь его, как грозный вал.
Уста мои в тот миг сомкнулись, как могила!
Носилась речь его, и бедствием грозила
Стране родной.
Тут именем моим манил он всех ко мщенью,
Крича: «За мной, за мной!»
А я молчал. Не мог призвать к прощению
Сердца угрюмые. Я магометов стих
Забыл? Не мог его прочесть среди них:
«Пусть мщение обид не превышает,
Коль вы хотите мстить. Но тот, кто тих,
Кто терпелив, кто мщения не знает,
Тот свят!» Нет, я молчал. Ах, на мои уста
Рука всеильная печати наложила...
Движенья отняла невидимая сила!
О братстве среди людей единая мечта
Разбилась от моих же слов... Прости, о Боже...
Всех строже
Меня ты накажи!
Тут, у межи
Миров двух, я стою в тоске!

1-й ферраш.

Я умираю!
О помощи! В твоей руке
Теперь вся жизнь моя... От жажды я стораю!

4-й ферраш.

Дай пить... дай пить... я свой...

2-й ферраш.

Я свой!

Баб.

Где взять воды живительной,
Где взять воды живой?
К Пульвару путь медлительный,
Нет тучи грозовой,
Вода из рук расплещется,
Пока я донесу...

(Вытирает слезы).

Мой друг, тебе мерещится,
Что пьешь с дерев росу, —
Слезу ты пьешь горячую,
Слезу, слезу мою...
То над тобою плачу я,
Я, я тут слезы лью!..
Десятки в миг один убить легко возможно...
Из мертвых оживить хотя бы одного
Не в силах человек. О Боже, как ничтожна
Здесь, в мире власть его!
От слов, от страшных слов погибли и народы.
(Озирается кругом).

Их всех тут я убил — не те, не те мечи,
Чей звон, зловецкий сон смутил покой природы,
Смутил покой ночи.
То с уст моих слова кинжальные срывались...
Но речи те в душе моей слагались,
В груди, исполненной любви!
От них теперь в крови,
Вне жизни плавают вот эти люди!..
Не дышат трепетные груди...
Уста молчат... угаснул взор...
Меж жизнью теперь и смертью кончен спор...
Убили их слова... Мои слова то были,
Сказал он тут, Агга... Мои слова закрыли
Навеки им глаза... У ног моих, у ног
Миры лежат. Всяк человек — чудесный
Широкий мир. И я миры убил... Мой Бог!
Зачем я не молчал! Творец, Творец Небесный,
Зачем не потушил огонь в моей груди,
Зачем не осудил я мыслей гордых строже?
За то, о Господи, о Боже
Меня лишь одного, меня ты осуди...
Казни за дело слов. Пусть искуплю я кровью
Все зло, что сделает кто именем моим...
О Господи, Творец, как ты непостижим!
Зачем, коль к людям ты исполнен весь любовью,
Ко мне ты не послал в дни детства к изголовью,
Когда я был объят спокойным сном,
Архангела с жезлом,
Чтоб по устам моим ударил он могуче,

И я бы онемел!
Чтоб молча я всю жизнь, как та луна за тучей
На мир людской глядел...
Блаженны тихие... На них гляжу с тоскою...
Но, Боже, властною рукою
Ты дал мне силу слов. Зачем, скажи, зачем?
На небе месяц нем,
Нема скала, нема река и звезды
Над миром все молчат... И нем вдали Намек!
(Молчание).

Неправда, нет... Все, все: и птичьи гнезда,
И лес, трава, цветы и волны рек,
И камни говорят... Зачем же человек
В молчаньи должен несть и чувств, и мыслей бремя?
Молчанию есть время,
Есть время и словам, сказал мудрец...
Молчанью должен быть конец!
О чары речей, непонятные чары
Речей, что из сердца прольются,
Будь ясны, туманны, будь новы иль стары —
В них счастье, и благо, награды и кары —
Как волны, по миру несутся.
И в груди людские, и в недра природы
Могуче они проникают.
Им внимлют... В вселенной века и народы
И камни, и реки, небесные своды
На зов их всегда отвечают.
Так речи всевластны, что самые горы
Продвинуть с подножий умеют.
Пред ними и птицы, и ветры, и море
И самое громкое страшное горе
Покорно смиренно немеют.
(Становится на колени).

Что людям говорить, о Господи, скажи!
Ах, как роса цветов, что исцеляет раны,
Пусть будет речь моя. В уста мои вложи,
О Господи, слова, чтобы сближали страны,
Свели б, как агнцев, всех людей
В одно прекрасное святое стадо!
Ты речью, Господи, моею сам владей!
Что говорить мне надо,
И как сказать, молю, мне Господи, открой!

Чтобы слова мои в мечи не обратились;
Как камни, падая, чтоб грозно не сложились
Горой высокою и темною горой,
Не стали б на пути детей твоих навеки.
Как благодатные в стране несутся реки,
Пускай текут они и к пристани ведут
Затерянных детей. Молю тебя я тут,
Как буду я молить и пред Каабой Мекки —
Слова мне ниспошли Ты с высоты небес!..
Уйду от этих мест в страну святых чудес
Перед святынею Божественной Каабы
Паду я ниц в слезах... «О, Господи, мы слабы...
Ты сжался над детьми... Пусть слово, как роса,
На землю упадет, а не как жесткий камень,
Я буду так молить... Мольбы горячей пламень
Пусть унесется в небеса.
И пусть растопит он всех слов жестоких грудю,
Что тяжестью легли среди людей земли!
Молитве пламенной, о Господи, внимли!
Я верю... верю чуду...
С небесной высоты
Молитве пламенной, Господь, внимаешь Ты...
Пошлешь того, кому предтечей кротким буду...
Я верю... верю чуду!
(За налетевшим темным облаком вдруг показывается необычайный свет).

Занавес тихо падает.

Действие IV.

Действующие лица:

Баб
Мухамед Салиха
Салман
Агка Мухамед Али
Сеид Гуссейн
Сеид Гассан
Сеид Ахмед
Менагани
Багир
Мирза Ахмед
Мамут Хан, Келантар (бывший в Ширазе).
Абдул
Тюремный страж
Слуги судей
Слепой старец.
Один из народа.
1-й
2-й
3-й
4-й из народа
5-й
6-й
Народ, женщины, стража, мирзы.

Большая запущенная зала в покинутом здании во дворе Сарбазских казарм. Видны следы былой роскоши. Расписные стены, мозаика и т.п. В глубине сцены — широкая, почти во всю стену арка, закрытая драпировкой из старых ковров; слева, ближе к авансцене — окно, слева, в глубине — небольшая дверь. Такая же дверь справа.

Между 3-им и 4-ым действием проходит год.

Действие происходит в Тавризе, в 1849 году.

Явление I.

У стены справа сидит Агка в глубокой задумчивости, и Сеид Гассан в оцепенении. С другой — Сеид Ахмед, Салман стоит.

Сеид Ахмед.

(Оглядываясь).

В тюрьму нас привели, иль это чье жилище?

Салман.

Тюрьма? Нет, нет, дружище,
Такие тюрьмы где, скажи мне, видел ты?
Вельможи, говорят, когда-то здесь живали...
Виднелись из окон заманчивые дали.
То было уж давно. Завяли все цветы,
Что наполняли ароматом
Хоромы эти, да! Давно уже закатом
Не любовались здесь. Давно закрыли даль
Казармами. А жаль!
Пускай бы тих и мирен
Дом век свой доживал... Но широка в нем дверь,
И двор его обширен...
Вот вспомнили о нем теперь.
(Взволнованно).

К тому же, завелось преступников так много,
Что нет и места им уж в тюрьмах городских...
Наполнились все до самого порога.
Сажаем здесь таких,
Кого нам в мир иной отправить невозможно —
Так просто, без затей.
Знатнейших держим здесь. Чье преступление сложно,
Кто пищу может дать для разума судей:
Для них мы бережем здесь лакомое блюдо.

Сеид Ахмед.

Сидели в комнате другой, зачем оттуда
Сюда нас привели?

Салман.

(взволнованно уклончиво).

Хочу я пить...
Сегодня жарко так.

Сеид Ахмед.

Быть может, станет чудо, —
И нас освободят?

Салман.

Здесь будут вас судить!

Сеид Ахмед.

Зачем не поведут нас к судьям?

Салман.

Чтобы не видел вас народ и не жалел.

Ведь жалости орудьем

Шутить нельзя. Народ порою смел!

Народ — то он герой,

А то медведь, кого вожатый штуки

Прodelывать учил. Ученика, порой,

Боится сам вожак и в час науки

Старается его не рассердить:

Не то цепь крепкая порвется вмиг, как нить.

Сеид Ахмед.

Скажи, скажи, что с нами будет?

Салман.

Да просто вас засудят.

Ведь знали вы, на что пошли, иль нет?

Не танцевать в Мазендаране

Вы собрались. Ну, вот вам и ответ.

Что будет, знали вы заране,

И знал весь свет.

Хлопот наделали довольно!

Вы шаховы храбрейшие полки —

И вспомнить больно —

Осмелились разбить... Да, смельчаки!

Мегди Кули Мирза донес покорно шаху,

Что будто бы вам дивы помогли.

Агка.

Со страху

Мерещилось ему... Пророк Али

Нам помогал: не див, а Баба дух великий!

Гонения врагов, о мщеньи вражьи клики

У гроба Шейха Табарси

Заставили всех нас сойтись. Его гробница

Была оплотом нам. Ахмеда ты спроси.

Там ангелов чистейших вереница

Разила осаждавших нас,

И если бы, не в добрый час,
Своею хитростью Хан Амару
На мир нас не сманил и не прельстил нас пиром,
Не одолеть бы нас! Пока я не умру,
Я буду говорить пред целым миром,
Что если бы еще хоть до одной зари
Терпения хватило
У наших храбрецов близ города Сари,
Тогда б...

Сеид Ахмед.

Ты правду говори:
Какая сила
Сразила нас, скажи! То голод был.
Наш враг закрыл нам все пути вокруг. То голода угрозы
Пришли нас доконать.

Агка.

О голоде еще ты проливаешь слезы.
Ведь в лагерь к нам пришел он не как тать.
Его должны мы были ждать,
С терпением перенести. Кто выносить не может
Страданий никаких, тому нельзя уйти
От дома ста шагов. Тот пусть доспехи сложит
В свою постель, пускай к великому — пути
Тот позабудет все. Еще вчера умели
Сносить невзгоды мы. Минула ночь —
И все, что мы терпели,
Терпеть не стало больше в мочь.
За жизни жалкий дар мы все святое
Им отдали взамен... Не то, не то я
От храбрецов хотел...

Сеид Ахмед.

Ах, жизнью пренебречь
Легко тому, кого навеки миновала
Улыбка счастья...

Агка.

Тебе ли лучше стало?
Не лучше было бы на поле брани лечь,
Чем к хану хитрому попасть в ловушку.
На пир он нас позвал!
Поставил против нас не пушку,

А блюда издалека показал,
И побежали мы, как мыши
На вкусную еду.
И что ж — беду
Нам жадность принесла. Еще теперь я слышу
Ужасный стон и крик
Собратьев дорогих в тот миг,
Когда на них средь пиროванья
Накинулись враги. Ах, те стенанья
Я не забуду век. Живьем их всех зажгли!..
Чтоб казнью нашею натешиться могли,
Нас привели в Тавриз. Здесь тихие, как тени,
Покончим жизнь... Но лучше б там
Нам было умереть, а не склонять колени...

Салман (*перебивая*).

Дадут вам умереть. В стране найдется вам
Везде кусок земли для ваших тел.

Агка.

О, срам!

Сеид Ахмед.

Терпели мы не дни, мы месяцы терпели...

Салман.

Здесь приготовить все скорей велели.

Вас удалю туда.

(Показывает на смежную комнату направо).

Удобно плакать там.

И не услышат вас, хотя бы вы запели...

(Уводит их направо и возвращается тотчас.)

Явление II.

Абдул, Салман и слуги.

Абдул.

(за ним слуги с коврами и проч.)

Уж скоро явится сюда совет.

Салман.

(слуге).

Сюда, клади ковер. Из окон льется свет.
Здесь будет хорошо!

(Абдулу).

Совет сберется рано?
А судьбы как решат, ты не слышал?

Абдул.

Бумага к нам пришла... из Тегерана.

Салман.

Ее ты не видал?

Абдул.

Нет, не видал.

Салман.

А жаль! Мне было бы любопытно
Узнать, что сказано. Скажи, злодеев всех
Осудят, иль не всех. Хоть любопытство — грех,
Но любопытен я. Желанье ненасытно...

Абдул.

Ну вот, я вам скажу...

Салман.

Вы услужите мне, и я вам услужу.

Абдул.

Да вот она, при мне. Дана на сохраненье
Отцу, а он доверил мне.
(Передает Салману бумагу).

Салман.

(читает про себя).

Абдул.

Согласны с этим вы? Народное волнение
Все длится до сих пор лишь по его вине?

Салман.

Конечно, без сомненья!

Абдул.

Есть новость в городе. Ты знаешь деву ту,
Что все чистейшею зовут? Из заточенья
Ее освободил сам шах за красоту.
Вчера явилась к нам она из Тегерана.
Мне сообщил о том вожатый каравана.

Салман.

Салман.

(едва скрывая волнение).

Неужели Хурет?

Абдул.

Да, да!

Салман.

Она приехала сюда,
И здесь она?

Абдул.

Да, да! Вам новостей немало
Я сообщил.
(отворачивается).

Соринка в глаз попала,
За новости обязан без конца.
Ну вот, бумажечка отца.
Тут все я приведу в порядок.
Велю преступников привести.

Абдул *(уходя).*

Прости...

Салман.

Был с вами час мне сладок.

Абдул.

Благодарю за честь!
(Уходит, за ним слуги).

Явление III.

Тюремный страж, и за ним Мухамед Салиха, в сопровождении солдат.

Страж.

(Салману).

Мы к вам еще тут привели бабида:
Из городской тюрьмы сюда переведен.

Салман.

Кто он?

(Страж выпускает Мухамед Салиха и уходит).

Мухамед Салиха.

(увидев Салмана; на мгновение остается безмолвным, затем взволнованным голосом).

Великая обида
Для сердца моего. Салман — ты здесь?
Ты враг?

Салман.

Нет, нет! Как прежде — весь
Я твой, о господин! Тебя затем покинул
И в стан врагов ушел, чтоб вам
Помочь в беде. И вот, и год не минул,
Как все исполнилось. Ах, сам
Не признавал я Бабова ученья...
Но я люблю людей, что льнут к его речам;
Я стал тюремщиком, чтоб дать им утешенье
И помощь им принести.

Мухамед Салиха.

Как сладостна мне эта весть!
Ах, в верность близких нам так губительно сомненье.

Салман.

Не речи, а людей, их слушавших, любя,
Я здесь...

Мухамед Салиха.

Дай, обниму тебя!

Салман.

Я знал, что ты... или иной из вас, наверно,
Не минет стен тюрьмы.
И этого дождались мы.
Привязанность моя к тебе — безмерна...

Мухамед Салиха.

Ну вот, и вместе мы. Ее, ее лишь нет...

Салман.

В Тавризе, здесь Хурет!..

Мухамед Салиха.

Здесь? здесь? О Боже милосердный!

Но где она, что с ней, скажи!

Салман.

Ее я отыщу! Ты не тужи.

Как прежде, твой слуга усердный

Салман. Будь тише, здесь мы не одни!

Еще бабиды рядом...

Не должен ты ни словом и ни взглядом

Показывать, что были дни,

Когда меня ты знал. Друг другу будем чужды,

Не должен долго я беседовать с тобой

Без нужды...

(Направляется к соседней двери).

Мухамед Салиха.

Али, он тоже здесь? Он здесь? Одной судьбой

Мы связаны! Вошли различными путями

Мы в этот мир; одним путем — уйдем теперь...

Одна, одна для нас открыта смерти дверь!

Салман.

(делает шаг к двери, где сидят бабиды, и говорит тихо Мухамед Салихе).

Тебя не знаю я, чтоб нашей тайны

Не мог бы кто из них открыть случайно.

Что видит глаз, о том лишь редко чей язык

Молчать привык!

(На мгновение уходит и возвращается со всеми).

Мухамед Салиха.

(оставшись один).

Хурет... О, дочь моя... Что случилось с нами!

Явление IV.

Входят Сеиды: Ахмед и Гассан, Агка, Салман.

Сеид Ахмед (*Гассану*).

Усеяли поля мы нашими костями,
И для чего?

Мухамед Салиха.

Алла акбар!

Все.

Алла азам!

Мухамед Салиха.

Борьбы угар
Нас всех ли изменил? Иль никого не знаю?
Бабиды все, как стаи
Пугливых птиц, рассеяны везде!

Салман.

Ну, вот, в одном теперь вы встретились гнезде...

Мухамед Салиха.

Я прибыл из Зенгана:
При стычке я одной попался в плен;
Я слишком прыток был. Я слишком рано
Пустился в бой... достиг я вражьих стен...

Агка (*с горечью, не глядя на него*).

А там, скажи, как дело?
На сало вас еще не привлекли,
И рвение остыть в вас не успело?
Не изменили знамени Али?
Оно еще там уцелело?..

Мухамед Салиха.

Да, да, сражаются, как львы!
Для отдыха они не склонят головы.
Пока заря свободы вечной
Над ними не заблещет вновь,
Все жизни отдадут свои беспечно,
Прольют всю кровь
За дело Бабово!

Агка.

О, рад я бесконечно
Вестям твоим! Но кто ты?

Мухамед Салиха.

Я устам
Охотно волю дам
Пред вами,
Как я давал рукам
Свободу пред врагами!

Агка.

Но кто ты, кто, скажи? Признайся нам!

Мухамед Салиха.

Был счастлив я когда-то,
Был счастлив я и горд... И вот за то отплата!
Да, счастье на земле — то зданье на песке:
Лишь миг один — исчезнет, как в реке!
Фирдуси говорит недаром:
«Любовь друзей горит пожаром
До тех лишь пор, пока алмаз
Твоей короны ярко блещет,
И горе не глядит из глаз.
В испуге дружба затрепещет,
Лишь скроют счастья светлый луч
Громады темных туч...»
Друзья увидели ко мне немилость шаха,
И стали делать зло мне без стыда и страха.
И мудрецы недаром говорят:
Пусть яблоко одно попросит повелитель —
Немедленно ему все дерево сулят.
Пусть просит он яйцо, — скупец, как расточитель,
Начнет вмиг резать кур без счета, без числа.
Слетела тучка лишь с царя царей чела,
И началась гроза...

Салман.

От слуг и их клеветов
Приходят бедствия порой, от низких слуг.
Кто из царей не остается глух
К речам обманщиков? И кто клевет, наветов
Не слушает? Навет — все та же лесь.

Мухамед Салиха.

В стране меня богаче
Нельзя было найти. Но стало все иначе...
Я разоренье бы стерпел... Но честь, но честь
Мою они отнять хотели!..
И в этом бы успели...
Но вот, бесчестия не пожелал я снести!
Сказали, будто бы удвоил я налоги;
Неправда, нет, клянусь, я их не налагал!
Я в Тегеране был. Там обивал пороги,
Доказывал им всем, что келантар налгал!
Ах, «имя доброе — дороже масти»!
Сказал мудрец. Такой напасти
Не ждал...

Агка.

Но кто ты? Кто, скажи, хочу я знать!..

Мухамед Салиха.

Я был лишь муджтахид. Теперь... теперь мы — братья.
Мухамед Салиха...

Агка.

Связал нас рок опять,
Ах, посылал тебе когда-то я проклятья,
Тебя я проклинать посмел!
В беде мы стали братья...
Позволь тебя обнять,
Прости! Клочком земли твоей я сам владел...
В беде мы стали братья...

Мухамед Салиха.

На берег вынесла нас всех одна волна!

Агка.

О, Боже мой! Всему, всему вина,
Что нами правит
Не божеский закон, не шах,
А собственный наш страх
Пред силой дерзкою. Нас давит
Тиран любостяжанья!
Нас давит рабское желанье —
Сорвать хоть пару крох с богатого стола...
Нам пища богача мила,

Хотя б утроба
Была сыта...
Корысть — вот наш тиран до гроба!
Беда людей проста.

Мухамед Салиха.

Нет, не питал я страха
И не хотел питать.
Беду страны пришлось мне на себе узнать:
Ведь ближе к телу нам всегда своя рубаха.
Пришел я в лютый гнев за попранный народ...
Я с ним делил беду... Молчал мой рот,
Но порешил, о, други!
Богатство и досуги
Отдать бабидам я, — и с ними заточенье
Делю без ропота, без сожаленья.
Я все поведал вам.

Агка.

Я с трепетом внимал твоим речам.
Чистейшей девы
Счастливым ты отец!
Настанет час, взойдут добра посевы...
Придет и жнец!
Чистейшей девы речи
Влекут сердца к нему,
К Али, к великому предтече...

Мухамед Салиха.

И к сердцу моему, и к моему уму
Слова ее неслись и мною овладели.
Приверженцем я стал Али.
К единой с ним иду я цели!
Такие времена пришли,
Мой друг, что у отцов умы становятся яснее,
Когда он у детей огнем святым горит,
И над земною тьмой властительно парит...
(Задумчиво).

Хурет, о свет очей! О, Боже мой! Что с нею?

Агка.

Ты видел ли его?

Мухамед Салиха.

Не видел я с тех пор,

Когда на площади в Ширазе, мне казалось,

С небес он говорил. Его я помню взор...

А дочь моя... А дочь... Со мною чудо случилось!

Я думал, без Хурет и дня не проживу,

А вот счастливейшим отцом теперь слыву!

Сеид Ахмед.

Ведем беседу мы спокойно, без смятенья,

Как будто ждет не суд нас и не казнь,

Не муки страшные, а ждет нас представленье!..

Агка.

Не отвратит беду от нас боязнь,

Что быть должно, то будет!

Сеид Ахмед.

Осудят нас, осудят!

Быть может, через час!

На смерть осудят нас!

О, Боже! Что-то будет!

Что нам сказать, Аллах!

Агка.

Напрасен страх...

Он раньше времени... Полет воображенья

О, друг мой, удержи,

И не тужи;

Покажется тебе и смерть, как представленье!

Кривым ответом в заблужденье

Не приведешь судей.

Сеид Ахмед.

Настанет суд кровавый!

Мухамед Салиха.

О, Боже правый!

Не знаем никогда мы собственных детей!

Она, моя Хурет, прекрасна, величава

Вещает истины, за ней толпа! Дитя,

Мое дитя! Казалось мне, шутя,
Читала книги все... казалось, все забава...
А вот...

Агга.

Ты ею вознесен.
Мудрейшая она, чистейшая из жен!
(Отходит в сторону и погружается в раздумье).

Сеид Ахмед.

(Гассану).

Пусть Баб избавит нас от ужаса страданья!
И даст ли он разбить основу зданья,
Что сам он возводил? Он даст судить нас всех
И осудит на смерть?

Мухамед Салиха.

(Салману тихо).

Придет Али! Мой грех,
Мой старый грех, пред ним я искупить желаю.
Ах, помню те года,
Когда значенье слов и строк страниц Корана
Я объяснял ему. В нем мысль проснулась рано.
Ребенком был тогда.
Душа Али белее снега
Была всегда, всегда!
Мой загрязнился взор. И в этом вся беда
Была моя.

Ахмед (Гассану).

Я б все отдал, чтоб для побега
Мне приготовили вернейший путь...

Мухамед Салиха.

(Салману).

То гордость, гордость мне вонзила жало в грудь...

Салман.

(Мухаммеду Салиха).

Об этом вспоминать не надо...
Что было, все ты позабуди!
Молил он точно о пощаде,

Когда пред ним я встал? О, вспоминать не надо
Что было, все ты позабуди!
Казалось, говорил.

Сеид Ахмед.

Сказали — Мамегани
Вошел в число судей. Казема ученик
Он, как и Баб. Его я видел в Испагани.
Когда он к нам проник,
Был принят он, как свой. Он оправдает нас...
Да, оправдает нас наверно Мамегани!
(Слышно движение, барабанный бой и клики).

Салман.

(суетливо).

Идут сюда, идут!..
Все встаньте, все!..

Явление V.

Меж заключенных движение.

Абдул.

(вбегает, за ним двое слуг, громким голосом).

Во имя шаха!
То суд идет! Все встаньте! Суд!..

Салман (приближается ко входу).

(Слуги широко открывают двери арки, так что виден весь двор и шествие судей).

Явление VI.

*Мирза Ахмед, Ахунд, мулла Мохамед Мамеганский или Мамегани, хаджи
мирза Багиир, Абдул, Келантар Ширази — Мамут-хан. Их слуги и мирзы.*

Все усаживаются. Тишина.

Багкир.

Неверья мера
Вся переполнилась теперь; мою

Смущает душу всю! Скажи святыя
Нам догматы.

Баб.

Скажу. Слова простые
Мне сладко говорить.

Мирза Ахмед.

Его я обвиню.

Баб.

Свидетельствую, что нет Бога, кроме Аллаха,
Что Магомет его пророк, что Али его вали.
(Молчание).

Багкир.

(Оправившись от изумления).

Зовешь себя теперь ты Баб?

Баб.

Господень я смиренный, жалкий раб.

Багкир.

Тебя и весь народ теперь так велчает?

Баб.

Как жаждет сердцем кто, тот так и называет
Меня, смиренного раба.

Багкир.

Слова твои коварство.
Иль память у тебя слаба?
Что на земле твое настало царство,
Ты говорил!

Баб.

Сердцами властвую, я мнил.
В сердцах людей то царство.

Багкир.

Не говорил ли ты, что ты Сахебуз Заман?
Народ ты не вводил в обман?

Баб.

Имам Сахбуз Заман — великая надежда!

Когда зима вокруг иль высохнет земля.
Пускай народ в беде и впредь, как было прежде,
Пророчеству внемля,
Цветы прекрасные увидит на полях,
Где снег виднеется, иль жалкий тощий прах.

Мамегани.

Мы жаждем объясненья
Словам. В загадочных речах
Нет мысли никакой. Полны значенья
Покажутся иным.

Баб (*молчит*).

Багкир.

Ты объясни...

(*Молчание*).

Багкир.

Ты объясни.

Баб.

Народ в надежде
Раскроет свои вежды,
Пророчеству внемля.
Увидят все, к кому сердца с надеждой
Вмиг унесутся, вмиг... пошлет его Аллах...
Его отыщете во всех моих словах.

Багкир.

Народу ты вещал, что все мы в мире равны,
И тем смутил народ. Не знаешь, что и дни
Различны все, и что между валов есть главный,
Есть наивысший вал!

Баб.

То Магомет сказал,
Что все мы, люди, — братья.

Багкир.

И мира средоточье шах,
И жалкий гебр, и ты? Все равны без изъятья?
Все братья?

(Молчание).

Нечистого в твоих глазах
Нет ничего? Ответь! Уста твои речисты.

Баб.

Желанье жадное нечисто.
Небесный наш Творец
Собою из конца в конец
Наполнил мир. Он всем, всему начало;
Все, все сольется с Ним:
Небес избранныки, и все, что жизнью стало.

Багкир.

Теряем время здесь. Мне кажется, мы спим.
Высказывал ты мненье,
Что кофе и табак дурман, —
Не надо их вкушать!.. О, бедный наш Иран —
Его погубишь ты. Душистые растенья
Даны нам Господом для наслажденья!
Их отнимаешь от людей,
Как грабит золото у ближнего злодей.

Баб.

Есть изречение,
Что всяким существом владеет так дурман,
Как царством властвует тиран.
Он, от врага страну оберегая,
Сам топчет и гнетет ее, как враг.
Не запрещаю я. Я лишь остерегаю
От ядовитых благ.

Багкир *(показывая на Мамут-хана).*

Что вопреки закону шариата,
Монашеству отдался ты на век.
Вот донесение прибывшего к нам брата.
К тому же в полдневный жар, далеко от заката,
Когда в свой дом спешит укрыться человек,
На кровле ты в молитву погружался...

Баб.

Нет, от закона я не уклонялся:
К палящему светилу я привык.
Не грех пред Господом чистейшие желанья.

Должны быть так чисты глаза для познавания,
Как для хвалы быть должен чист язык.
Молился я в часы полуденного зноя,
В полуденных лучах искал я тишины,
В сверкании небес искал, молясь, покоя,
Как и в сиянии луны.
Для пламенной мольбы равно угодны Богу
Минута каждая и каждый час.
Склоняться можем мы всегда к его порогу.
Я слышал Божий глас...
Средь солнечного дня и среди темной ночи
Горит ли солнца луч и блещет ли звезда,
И видят ли вокруг или не видят очи —
Всегда, всегда...

Багкир.

Не признаешь положенных законом
Часов ты никаких?

Баб.

Ах, в каждый час
Словами, вздохом, стоном
Мы можем Господу нести
Благодаренья...

(Забыв все окружающее, говорит, точно читает по открытой книге).

«Его исполни повеленья:

Врагам прости...

Благотворительным будь, справедливым.

До той поры, как самого себя

Ты не полюбишь сердцем горделивым

Людей — не мусульманин ты. Лишь любя,

Ты добрый сын ислама,

«Лишь тот его достоин храма,

Кто брата полюбил, как самого себя.»

Багкир.

Ты на вопросы на даешь ответа.

Неверно ты читаешь аль Коран,

Неверно говоришь слова ты Магомета,

То все обман.

Баб.

(точно не слушая, что ему говорят).

«Не мусульманин тот, кто, все пороки пряча,
Выносит добродетель на показ,
Как бы наряд для глаз.
Та вера не горяча,
Кто молится не всякий час!»

Явление VIII.

Во время этого допроса слышен отдаленный гул народа, который становится все громче и громче. Абдул, тихо посоветовавшись с соседом, уходит со своими слугами и вскоре возвращается поспешно и говорит, задыхаясь от волнения.

Абдул.

Там за мирзу Али Махмета
Волнуется народ.

Маммут-хан.

Там кто же? Всякий сброд?

Абдул.

Несметная толпа решение совета
Нетерпеливо ждет.

Маммут и Багкир.

(Тихо Абдулу).

Какого же решенья?

Абдул.

(так же).

Его освобожденья...

Багкир.

Ну, вот!

Народ — ребенок неразумный,
Нетерпеливый, шумный,
Чего желать — не знает сам. Хотят в игрушки поиграть.
Недешево игрушки им достались!
Как разум нам велит, скорее порешим.

Абдул.

Сюда бы не ворвались!

Багкир.

(Мирзе).

Пиши. Мирза-Али был нами здесь судим.

Расследованьем сим

Даем мы подтвержденье,

Что обвиняемый мирза Али Махмед

Корана отрицает свет.

(Между обвиняемыми движение. Один Баб спокоен).

Багкир.

(громовым голосом, заглушающим ропот).

Народу в назиданье,

Мы все нашли,

Что заслужили наказанье

Мирза Али,

А также и его ученики, бабиды:

Гассан, Гуссейн, Ахмед, сеиды.

(Молчание).

Что скажет на решение совет?

Подпишет он сейчас, иль нет?

(Молчание).

Но знаю я заране,

Решение подпишет Мемагани

И все великие мужи,

Опора Божья трона.

Баб.

(в забытьи).

Чудесный свет полился с небосклона...

Багкир.

(к Мемагани).

Подпишешь ты, скажи?

Мемагани.

(прилагает печать).

Печать я прилагаю.

Баб.

(К Мемагани, с кротким укором).

Ты к смерти присудил меня?

(Проводит рукой по глазам).

Мирза Ахмед.

(прилагая печать).

Он изувер и враг родному краю.

(Другие делают то же).

Багкир.

Но милости царя царей яснее дня.

Он говорит, коль ты свое ученье

Проклянешь навсегда, то разорвать решенье.

Баб.

Как снег, во мне чиста

Вовек пребудет вера Магомета.

Пускай исполнится решение совета.

Не знают гневных слов мои уста,

Из уст моих не вырвутся проклятья.

Но жатву бед за то пусть не собирают братья.

Багкир.

Над всеми совершится суд...

И если ты из чуд

Не совершишь тут чуда,

То завтра все умрут.

А над муджтахидом всех обвинений груду

Мы после разберем...

(Между осужденными движение. Гассан, как прежде, сидит окаменевый. Агга испускает крик злобы и презрения, Гуссейн и Ахмед — стон отчаяния).

Явление IX.

Врывается народ, впереди — Музафер медник, слепой старик, мальчик и дервиш; тут же и женщины.

Музафер.

Сюда, за мной пойдём!

В толпе.

Где Баб, где Баб?

Старик.

Он здесь. Стоит он здесь, пред вами.

Повсюду странствую за ним.

Я видеть лишь его потухшими очами

Могу... Я говорю, он здесь.

Музафер.

Мы знать хотим

Решение совета!

Все.

Решение совета!

Мы знать хотим

Решение совета!

Багкир.

Как смеешь требовать ответа!

Пред старцами как смеешь ты кричать?

Музафер.

Желаем знать!

Все.

(повторяют).

Желаем знать!

Старик.

Что будет с нашей святыней?

Надежду вы от нас желаете отнять!

В пустыню

Всю обратить страну!

Музафер.

Отдайте Баба нам!

Багкир.

Постойте, я скажу, как вы, я думал сам:

Я думал, он святой. Вот мнение совета —

Он отступил от веры Магомета...

В народе.

Аллах...

Багкир.

Нам ясно всем, что он хитрец.

В народе.

И правда ль это?

Старик.

Неправда это!

Багкир.

Вероотступник он, он лжец.

В народе.

Аллах! Али! Творец!

Старик.

Не он... Мы знаем, кто здесь лжец!..

(Его голос заглушается).

Багкир.

(Заметив, что народ прислушивается к его речам).

Хитрец он, обольститель,

По всей стране несется стон

Благодаря ему. Он зла учитель.

Всему вина он, он!

Его ученики пролили море крови.

То он их научил.

Народ.

Аллах! Али!

Музафер.

Зачем сюда мы все пришли!

Чтоб слушать низкое злословье?

Багкир.

Что он святой, я думал сам,

Но мы тут видели: не верует он в Бога.

Еще немного —

С лица земли навек исчезнет наш Ислам.

Пред всем собраньем

Не постыдился он над всеми вознестись!

Из уст его лились

Слова позорные. Их повторять не станем.

Он издевался над Кораном.

Чтобы народ извлечь из тьмы,

На смерть его все осудили мы.

(Народ некоторое время слушает со смущением, но при последней фразе слышны слабые крики сочувствия к осужденному и слабый ропот).

Мухамед Салиха.

Меня послушайте, о братья!

Я муджтахид

Мухамед Салиха... Проклятье!

Не вынес я обид —

И я в тюрьме... Но все ж я муджтахид.

Когда заря с лазури взглянет

На Божий мир, меня... не станет...

Не может лгать язык

В такой великий миг!

Он осужден, друзья, противно шариату.

Муджтахид говорит вам то. Закон

Я знаю лучше всех. И будет он казнен

Вне правды! Он святой!

Вот здесь он догмат веры

Ислама произнес. Казнить его нельзя

За изуверство, нет... То могут изуверы

Лишь учинить, друзья!

Подобные бывали уж примеры!

(С сдержанными слезами).

Оплакивать его придется вам века.

Но если потечет из ваших глаз река

Горчайших слез — она не смоеет

Тяжелого греха... Его и тьма не скроет

От зорких глаз людских...

Багкир.

Он лжец, он душегуб,

Он самозванец.

1-й.

Нет! Нет, он меджуб...

2-й.

Святой!

Слепой старик.
Небес посланец!..

4-й.
Сеид он, он сеид,
Потомок Магомета...

5-й.
О, стыд...

2-й.
За нас молился он перед Каабой!

6-й.
Так он хаджи, хаджи! Его освободить!..

5-й.
Как дети все мы слабы.
Что делать нам?

Музафер.
Его освободить!
Родить
Не может нам земля другого Баба...
(Показывая на Багкира).

Не может быть без праведных Кааба!
Освободить его, освободить...

Другой.
Да, да, довольно им
Над нами издеваться!
(Окружают Баба. Стража хочет их оттолкнуть, но толпа отстраняет ее и громко кричит).

Музафер.
Готовы с жизнью мы расстаться.
Его мы защитим!

Багкир.
Его мы смерти предадим.

Агка (решительно).
Его освободим!
Из города он в город был гоним

За то, что речь его была, как манна неба
Для голодающих, для ждущих корку хлеба!
И вот свершили суд над ним.
То не был суд людской, то суд зверей, суд страха!
Воздвигнется для праведника плаха...
Как убегает мгла от солнечных лучей,
Так прочь бежит порок от праведных очей.
Из чистых жил Али струи прольются крови!
Красноречивей слов та кровь заговорит,
Тьму мстителей она мгновенно зародит,
Борьба начнется снова...

Музафер.

Нет, не свершится суд над ним!
Его казнить мы не дадим!
Пушкой его берут! На камне камень
Здесь не останется один!
Мы дом тут подожжем, и адский пламень
Здесь все пожрет сейчас! Слуга и господин
Истлеют равно здесь... Мы именем Аллаха
Все разотрем тут в прах, всех, всех, скорей, чем плаха
Их примет головы!

Народ.

Аллах! Аллах! Али!..

(С криком окружают обвиняемых и стараются оттеснить их к выходу. Совет и начальство — бледные молчат).

Сеид Ахмед.

Спасите нас.

Народ.

Спасти мы вас пришли!

Баб.

(Слушавший Мухамед Салиха в волнении, еле сдержав свои чувства, дрожа от ужаса и жалости, говорит сначала громовым голосом, а затем речь его становится тихой и проникновенной).

Что говорили тут... Так говорить не надо!
Чью кровь прольете вы! Кровь братьев и отцов!
Не говорите так, не надо этих слов!
Вы овцы, овцы все заблудшегося стада...
Ах, все вы, все вы здесь, и те, что за оградой,

Вы люди жалкие, жалеите же людей!
Вы люди жалкие: и добрый, и злодей,
Вы овцы, овцы все заблудшегося стада...
Где мщение, туда и не войдет отрада,
Где мщение, туда добро и не войдет,
Где мщение явится, настанет мрака гнет.
Ах, овцы, овцы вы заблудшегося стада!

Музафер.

Не отдадим на смерть тебя!
Ты наш святой. Ты наш. Пусть будет смерть тиранам!

Старик.

Тиранам смерть, что над Кораном
Насилие творят, святых своих губя!
Пред злодеянием пусть содрогнутся страны!

Музафер.

Да, смерть тиранам!

Баб.

(Громко и повелительно. Далее речь его стихает. Временами останавливает свой взор на Мохамеде Салиха).

Но все мы, все тираны.
Ничтожнейший из нас
Над жертвою своей глумится каждый час...
Что лучше мы, вы мните?
В сердца свои, в сердца взгляните!
В них справедливость ли живет?
Ко всем ли мы добры и равно справедливы?
Ах, тайники души, сердец извивы
Хранят не розы лишь... О, часто в них гниет
Неправда черная. Сердца у всех нас зыбки —
Сегодня мы добры, а завтра дышим злом...
И кто из нас, людей, не омрачал улыбки
Нам близких. За добро мы платим не добром,
Мы злобой дышим...
Несчастных не всегда мы стоны, вопли слышим,
И мало ль топчем мы нам преданных сердец!
И как ленивый жнец
Колосья лучшие на ниве покидает,
Так покидаем их. Для каждого из нас
Наверно кто-нибудь страдает.

Родятся люди каждый час,
И каждый час тиранов зарождает
На тронах, в хижинах, в лачугах и в дворцах.
И если захотим мы с мщением в сердцах
Тиранов всех низринуть,
Придется без конца потоки крови лить.
Пока останется один, что меч покинет.
Но не захочет жить тот человек. Остынет
В нем жажда жизни... Острый меч
С тоскою схватит вновь он в трепетные руки,
Чтоб жизнь свою навек пресечь
За горести, обиды, муки,
Что сеял он кругом. Нет, мщения не надо...
Мне жалко вас, овец заблудшегося стада.

В народе (*движение*).

Ты двери истины! Ты Баб..

Баб.

Господень жалкий я, ничтожный, жалкий раб.
Не свету служите, а тьме — мечом и злобой:
С рожденья своего до гроба
Стремитесь к свету вы,
Не поднимая головы
От грязи низменной, не отвращая взора
От помыслов земных, когда с простора
Небесного потоки солнце льет!..
Страданья гнет
Мечем не уничтожим,
Мы им несчастья умножим!
Недуги грозные и времени полет,
Что ясный взор мутит и сушит наши груди,
Нам их не отвратить ударами меча...
А смерть, что косит всех с плеча,
Останется всегда... Вот вам оружие, люди,
И будет с ним легка житейская борьба:
Желанье, слезы и мольба...
Желание — оно божественная сила.
Желанием одним мир создал наш Творец...
Желайте горячо до самой вы могилы...
Все сбудется, друзья, все станет наконец.
Желайте — встанут горы,
Желайте — стены упадут,

Раскроются затворы,
И с неба ангелы сойдут.
Мольба поможет жить, она вам даст надежду,
Страданья усмирить, раскроет ваши вежды
Для лицезрения иных, иных миров,
А слезы робкие без слов
Растопят горы бед; все унесут печали
Потоки слез.
И там, где плакали, где горько вы страдали,
Там ясный мир взойдет прекрасных чистых грез...
Ах, бросьте же мечи... Мечи раздора спрячьте,
И так, плечо в плечо
Желайте горячо,
И плачьте, плачьте!
(Все падают на колени).

Был суд несправедлив,
Что осудил всех нас. О, братья,
Наш дух смирив,
Пойдем с улыбкою мы к смерти, к ней в объятья!
Из тучи молния нас всех сразить могла...
Ничья рука тогда б не поднялась для мщенья,
И суд, неправый суд — то Божия стрела.
Приму ее в смиреньи...

Все (в слезах).

Ты двери истины, ты Баб...

Баб.

Господень жалкий я, смиренный, слабый раб...
Вы овцы бедные заблудшегося стада!..
Мечи все ваши спрячьте:
И так, плечо в плечо,
Желайте горячо.
Молитесь пламенно и плачьте, плачьте...
Чтобы слышать вновь никто не мог
Те стоны страшные поверженных мечами
Людей, что слышал я под тихими лучами
Серебряной луны, молю Тебя, мой Бог!
Блаженны кроткие — вот истины порог.
О дети, овцы вы заблудшегося стада...
Да снизойдет с небес на вас отрада.
Желайте горячо!
Мечи раздора прячьте,

И так, плечо в плечо

Молитесь, пламенно и плачьте, плачьте, плачьте...

(Народ склоняется. Судьи и стража отступают в глубину. Баб стоит перед склоненным народом и павшими ниц в слезах обвиненными).

Занавес.

Действие V.

Действующие лица:

1-й картины V действия.

Баб.

Гуссейн.

Гассан.

Ахмед.

Агка.

Салман.

Мухамед Салиха.

Хурет.

Абдул.

Мамут хан.

Ассад (за сценой)

Гонец.

Мирзы.

Слуги.

Стража, солдаты.

Явление I.

Баб сидит в глубокой задумчивости. У ног его Гуссейн. Гуссейн кончает писать.

Гуссейн.

Я написал: все так ли, я прочту.

Я так ли передал твою мечту...

(Читает).

«Клянусь, как Магомет, лазурью неба чистой

И хором ясных звезд, что светят надо мной —

Там есть прекрасный мир, божественный, лучистый,

И меркнет перед ним наш бедный мир земной.

Клянусь, как Магомет. Не надобны порфиры.

Вас примут в рубище. Богатств не накапливай.

Несчастливым беднякам от яств обильных пира

Рукою щедрою всечасно подавай».

(Останавливается, как бы в ожидании, что Баб скажет дальше).

Баб.

(повторяет, как бы в полусне).

Клянусь, как Магомет, лазурью неба чистой
И хором ясных звезд, что светят надо мной —
Там есть прекрасный мир, божественный, лучистый,
И меркнет перед ним наш бедный мир земной...

(Молчание).

Гуссейн.

Все чуда ждут. Раскрой нам двери заточенья.

Так много привели вчера бабидов к нам...

Замучили их там!

(Показывает на дверь налево).

Что делать? Научи. Полна душа смятенья...

Баб.

Легко, легко уйти.

Легко уйти отсюда!

Остаться — это чудо...

Гуссейн.

Учитель мой, прости...

Баб.

Остаться — это чудо.

(Молчание).

Все, все — ничто.

Если власть ты взял над миром,

Не гордися — все ничто.

Потерял ты власть над миром,

Не кручинься — все ничто.

О, пройди пред этим миром,

Вознесись над этим миром,

Все здесь, все — ничто...

(Молчанье).

Гуссейн.

(Закрывает глаза руками).

Баб.

Хотел тебе сказать я:

Чтоб царствие добра настало на земле,

Я все желал, Гуссейн, чтоб люди были братья,
Чтоб дружно к свету шли, не гибли во мгле —
Я жаждал так. Весь мир в мои объятия
Хотел принять,
И я причиной жестоких стал раздоров.
(С большой тоской).

Гуссейн, Гуссейн, Гуссейн — не надобно желать!

Гуссейн.

(Когда Баб начинает говорить, точно по привычке, сейчас же пишет. Прекращая писать, указывает налево, в сторону, откуда доносятся стоны).

Им раны сделали, и можно в каждой ране,
Как бы в светильнике, зажечь свечу!..
Я жить... я жить хочу!..

Баб.

(Поднимается на одно колено, с ужасом прислушивается к стонам, протягивая вверх руки и поднимая глаза с надеждой — вдохновенно говорит):

Клянусь, клянусь, клянусь! Настанет царство света,
Ночная мгла уйдет пред блеском дня, и вновь
В короне из лучей царицею одета,
С небес далеких к нам сойдет навек любовь...
Клянусь, клянусь...

Гуссейн.

(с возрастающим ужасом).

О Боже, Боже мой, мучений я боюсь!

Баб.

(берет его за руку с жалостью, как ребенка мать).

Страдание, мой друг, великий наш учитель,
И горечь сладостью вдруг станет для тебя.
Не долго над тобой потешится губитель,
Ты победишь его, простя его, любя!

Гуссейн.

Как ты велик, учитель, мой учитель!

(Становится на колени. Из подземелья раздается песня Ассада).

Зюлейка, Зюлейка, умру я любя!
Скорее на небе светило дневное
Погаснет внезапно прекрасной весною,
Чем я позабуду тебя.

Зюлейка, Зюлейка, умру я любя!
Скорее умолкнет мятежное море
На всем беспредельном далеком просторе,
Чем я позабуду тебя!
Зюлейка, Зюлейка, умру я любя!
Забуду скорее заветы Корана,
Забуду скорее название Ирана,
Чем я позабуду тебя.

Баб.

Послушай, юноша, поэт Афганистана —
И он попался в плен!
И он погибнет здесь, среди этих темных стен...
О, встань, не преклоняй колен!
И у него в груди сочится рана,
И знает он, что смерть его за дверью ждет,
И все же он поет...

Гуссейн.

О, Боже, Боже мой — а я изнемогаю...
Я чувствую, что я... О Господи... нет... нет...

Баб.

Как дух твой поддержать — не знаю! Ах, не знаю...
Пусть в тьму души твоей войдет небесный свет!..
Я был всегда с тобой, тебя любил, как брата.
Мечты мои ты мог бы миру передать —
Но вместе мы уйдем отсюда без возврата.
Так присудил Господь. Не надобно желать!..

Гуссейн.

Что делать мне, Аллах?

Баб.

Уходим мы в дорогу.
То будет краткий путь, то путь последний наш.
Желаний миру ты моих не передашь!..
Того не хочет Бог. Ты помолись там Богу,
(указывает на соседний покой).

Чтоб дух твой не упал. И я здесь помолюсь.
Пойди, Гуссейн, пойдди. Настанет день великий!..

Гуссейн.

Внезапно я ослаб, и смерти я боюсь.
То кажется ли мне, иль слышу стоны, крики...

Баб.

И песня носится со стоном вдалеке.
(Подводит его к двери).

Потонет все, Гуссейн, в забвения реке.
Ах, минет все и вся. Мужайся, все — мгновенье...
Молитву ты скажи, что говорят в пути,
Чтоб вывел Бог тебя с дороги заблуждения
И силы сохранил. Он жив — Господь! Прости!
Он жив, Он жив, клянусь. Нет без металла звона,
Как нет названия без сущности родной!
(Провожает его до дверей. От времени до времени слышны тихие стоны и пение).

Явление II.

Баб *(один).*

И вот последний путь открылся предо мной.
Последний путь, мой Бог! В Твое приду я лоно...
Узрю тебя опять, как той ночной порой
У трона Джемшида, когда убитых стоны
Остановили кровь во мне.
Увижу я тебя, теперь не в полусне,
Как в час тот благостный, узрю не как в тумане...
Я в розовой заре перед тобой предстану.
Вот мой последний путь.
Хвала тебе, хвала. Узнаю скоро суть
Всего, что на земле постигнуть мы не в силе...
Хвала тебе, хвала... Но если я в могиле
Усну навек, и в ней погаснет с телом дух?
И будет нем язык, как будет мертв мой слух?
Все кончится навек за этою оградой?
Теперь, о Боже мой, мне ничего не надо,
Но там, в неведомом, но там, в небесном мире
Желаю я витать
В божественных лучах, в божественном эфире,
Там сонму ангелов желаю я внимать!
Тебя, о Господи, хочу я зреть опять,

Коснуться я хочу краев Твоей порфиры,
В сияньи красоты не жаждать, не страдать...
(показываются видения: мать и отец Баба).

Ты здесь!... О мать моя, о дорогая мать,
И ты, и ты, отец! Вы, скорбию гонимы,
Пришли сюда, ко мне... Все сын я ваш любимый!
Отец, ты здесь? Но все укором полон взор...
Отец, не будь суров. Мне страшен твой укор.
Укор мне сердце гложет!
О мать моя, не плачь, тут горе не поможет,
И нет причин скорбеть. Ведь не было меня
До рокового дня
Рожденья моего — вот также и не будет
Тогда, когда мой прах покроет слой земли.
Пусть думать обо мне душа твоя забудет,
Как прежде обо мне вы думать не могли.
Склонился милый стан под бременем печали;
Непостижим вдруг стал я твоему уму,
И плачешь ты. От слез твои глаза устали...
Все слезы обо мне... Хотите вы уйти?
Отец, о мать моя, прости...
Но дайте, дайте мне свое благословенье.
Спокойно я сносил гоненья,
Хочу спокойно так я встретить смерть мою...
Но вот я слезы лью...
Увидел вас, и тихо льются слезы.
Хотел бы снова я в саду беспечно розы,
Как некогда, теперь тебе в венки свивать,
И детские мечты тебе вновь рассказать.
О, дорогая мать,
Не плачь, не плачь, моя родная,
Судьба мне суждена иная,
Чем людям всем. Она
Мне Господом самим была присуждена...
То не моя вина!
Творца всевластного то было назначенье.
О, обними меня в последний раз!
Как быстро времени теченье!
Как в детстве, помнишь ли? мне вытри слезы с глаз...
(Видение исчезает).

Ушли! О Боже мой, то было лишь виденье.
Одно виденье...

Ассад (поет за сценой).

Любимая, приди! и заживут все раны.
Любимая, приди, прильни к моей груди!
Любимая, приди, рассеются туманы,
Что застилают взор; любимая, приди!
Любимая, приди, и солнце вновь заблещет!
Любимая, приди, дай мне твои уста,
Я снова оживу, вновь сердце затрепещет,
Хотя б я был в гробу — приди моя мечта!..
Зюлейка, Зюлейка, приди же скорее,
Тоскую и гасну! Зюлейка, спеши!
Я жив лишь тобою! Умру на заре я!
Без уст твоих чудных нет в теле души!

Баб.

Еще весь полон я земным,
К земному все еще невидимые нити
Меня влекут, мой Бог, ах, голосам родным
Еще я внемлю все! Усните,
Усните смерти сном
Все чувства, все желанья
И мысли все, все скорби, ожиданья...
Ах, слейтесь в сне одном.
Усните все тревоги, все мечтанья
О счастья земном...
Скорее рвитесь жизни нити,
Усните грезы все, усните...
Али, Али, Аллах!
В слезах,
В молитве сладостной мне дай найти забвенье!
О, на крылах ее хочу я вознестись
К тебе, о, Господи. Из этой скорбной сени
Хочу уйти в ту высь,
Туда, к стопам твоим, где кротко молкнут бури...
Я утонуть хочу в небесной той лазури,
Где нет печали, бед.
Где нет вражды и где страданий нет...
(Показывается призрак Хурет, голос ее как бы звучит издалека).

Хурет.

Хотела б я греметь, как буря,
И вдруг умолкнуть пред тобой,
Носиться тучей по лазури
И пасть к ногам твоим росой.
Хотела б быть я вольной птицей
И сплесть мой рок с твоей судьбой,
Хотела б властной быть царицей
И стать навек твоей рабой...

Баб.

Хурет моя явилась!
Ты не забыта, нет... Такая ж, как тогда!
Такой Хурет мне снилась...
Прошли, прошли года,
Но все в моей душе, как в капле серебристой,
Дрожит еще твой лик, как солнца ясный свет...
Ты слышишь ли, Хурет?
Как солнца свет лучистый!

(В то время, как за сценой слышится пение Ассада, Баб, вспоминая давно забытую песню).

На память о тебе, о чудный ангел мой,
В сокровищах моих я сохранил так мало:
Лишь то кольцо волос, о чудный ангел мой,
Что на чело твое застенчиво упало,
И мысль ужасную, о, чудный ангел мой,
Что счастья моего давно уже не стало...
И эту боль в груди, о чудный ангел мой!
Ах, в память о тебе я сохранил так мало!

Хурет.

Хотела б быть я вольной птицей
И сплесть мой рок с твоей судьбой,
Хотела б властной быть царицей
И стать навек твоей рабой...
(Молчание).

Баб.

Несокрушимый мир, казалось, я обрел,
Но ты пришла, пришла... Воспрянул, как орел,
Во мне лукавый дух. Могучими крылами
Огнем пахнул он мне в лицо. Из туч,
Грозовых туч, блестящими стрелами

Мне ранил грудь... Злой дух, злой дух еще могуч!
Он в душу внес отраву...
Тоскою я земной мучительной тоской!
Небесную забыл я славу!
Тоски не испытал я никогда такой...
(Протягивая руки к видению).
Хурет... Хурет...

Хурет.

Али...
(исчезает).

Баб.

Ты где, моя отрада?..
Ты где, о, свет моих очей?..
Меня покинула! Опять меж нас преграда,
И я опять один... Ах, нет Хурет моей!
(в отчаянии).

Зачем ярмо я сам себе взвалил на плечи,
И кубок счастья отринул дорогой?
Блаженной не искал я встречи
С Хурет моей, зачем? О, Боже всеблагой,
Ты Сам мне указал мне путь тернистый,
Ты Сам мне указал, и Ты меня забыл...
Ты мне назначил путь, — так помоги, чтоб чистый
На небо я предстал... Таким, каким я был...
(Молчание).

(Слышна песня Ассада).

Несется песнь любви, любви земной, телесной!
Молчи, молчи! Тебе я не хочу внимать.
О, Боже, помоги! Приди, Отец Небесный!
Пускай настанет тишь в моей душе опять.
Укрой меня в порфире
Божественной Твоей! Не Сам ли Ты хотел,
Чтоб царствие Твое восстановил я в мире?
Зачем же мой удел
Ты так обременил в тот миг, как торжествуя
Я видел в небесах священный Твой порог?
От мглы земной уйти все не могу я...
О, Боже мой, мой Бог!
Не всю ли выпил я ту чашу испытанья,

Что дал Ты мне испытать?
Довольно, Господи... С Тобою лишь свиданья,
С Тобою жажду я... Забыть, ах, все забыть
Земное я хочу... Хочу в душе хранить
Одно лишь упование —
В блаженном созерцаньи
Всю истину понять,
Частицею Твоей там в небесах витать!
О, Боже, помоги!.. Молю, изнемогая,
Не оставляй меня без помощи Твоей.
О, Боже, Боже мой, открой мне двери рая!
Возьми к Себе мой дух и свет моих очей.
Не покидай меня, не покидай людей
Без помощи Твоей... О, облегчи им бремя,
Чтоб не было оно превыше слабых сил!
О, пожалей, Господь, Твое людское племя!
Не дай им чаши той, что я теперь испил...

Явление III.

(Двери сбоку тихо открываются, и Салман вводит укутанную Хурет и сам исчезает. Хурет тихо подходит к Бабу. Баб поднимает голову и смотрит на нее спокойно. После молчания).

Баб.

Хурет... Хурет... здесь ты? Не призраком явилась,
Пришла ко мне сюда, в последний жизни миг?
Ты вдруг преобразилась...
Вот... там... иным казался мне твой лик...
Иль я... я стал иной? Мой взор стал снова чище...
Иль на тебя сошло сияние небес?
Вот добрый дух опять во мне воскрес!
«Чистейшая» пришла в мое жилище!..
Я вижу вновь тебя в последний миг, мой друг,
Жена моя!

Хурет.

Али! О, мой супруг!..

Баб.

Прекрасней стала ты, прекрасна, как лилея,
Стройна, как кипарис.
Вот две звезды с небес, дрожа и пламенея,

В глазах твоих зажглись.
Я восхищен тобой... Чудесной, неземною,
Волшебной красотой блистаешь ты, Хурет!
Когда заблещет вновь небесный вечный свет,
Одной укутаны лазурной пеленою
Пред Господом предстанем мы с тобой.
(Молчание).

Вновь слышу, как тогда, я барабанный бой...
Тогда! Предутренный я слышу вздох природы.
Свободы радостной, божественной свободы
Настал последний час!
Там луч звезды погас...
Еще... еще звезда, там, видишь, там упала...
Не видишь ли, Хурет, дневного света струй?
Уж ночь отбросила густое покрывало!
Как ночь, и ты, Хурет, бледнее лилий стала!
Последний дам тебе прощальный поцелуй,
И ты, как эта ночь, от чистой нежной ласки
Зари предутренной — чуть заалеешь ты...
(Молчание).

Здесь на земле, Хурет, все — сказка...
Зовет нас истина с лазурной высоты...

Хурет.

Али... сугруг... О, Баб... Посланник чистый неба...
Настал великий миг. Молила я о нем,
Как молим о куске мы ежедневном хлеба.
Тот миг теперь настал. Но точно тяжким сном
Мой отуманен ум. Теперь нет слов в груди...
Я к истине твоей великие пути —
Указывала всем, я осушала слезы;
Исполнила я твой завет...
Я поняла, зачем меня избрал в супруги
Мой господин, Али, Али, мой свет,
Людей покинутых лечила я недуги,
И наш союз
Был плодороднее полей Мазендарана.
Али... Но боле я с тобою не расстаюсь.
Я смерть с тобой делю. Во всем Иране
Не будет женщины счастливее меня!
Иль раньше, чем взойдет очам светило дня,
Открою для тебя я двери заточенья.

Осман устроил все. Пойдем со мной, спеши...

Баб.

Я осужден на смерть страны моей законом...
Пусть плоть мою берут... Но для моей души
Нет стен тюрьмы, Хурет. Без ропота, без стога
Приму земной удел...
Умолкнул юноша, как соловей, он пел,
Как соловей для белой розы,
Забыв судьбы угрозы.
Но слез не льет. Хурет, ты плачешь почему?
Мы прах земли, когда мы бродим
Печальные по ней.
Иль в недра темные нисходим
И множим рой теней!
И никому ее великой тайны
Понять не в мочь.
Мы только гости здесь, нежданны и случайны,
И так же, как пришли, так мы уходим прочь...
Мы здесь ли, или нет — на ней все то же движенье.
Ничто не прекратит на миг ее круженья,
Сегодня, как вчера, точь в точь...
Хурет, Хурет, не плачь... Знай, именем закона
Я осужден на смерть. Ее приму без стога.

Хурет.

О, сжался надо мной! Пойдем, пойдем, спеши!

Баб.

Хурет, Хурет, пойми, нет смерти для души!
Когда увидишь ты меня на смертном ложе...

Хурет.

О, Боже мой, о, Боже!

Баб.

Скажи друзьям моим, что этот прах — не я.
Скажи им, объясни! он для меня все то же,
Что русло для ручья
И что для жемчуга слой раковин гнетущий,
Что темное гнездо среди зеленой кущи
Для соловья.
Нет, не зовите смерть названием ужасным,
Что всех людей страшит. К Нему ведет она,

К Творцу небес, в тот мир далекий и прекрасный
Она ведет, где жизнь!.. От тягостного сна
Смерть — пробуждение, и жизнью называться
Должна она.

Хурет.

Али, Али, к тебе подняться
Не в силах я. Ты снизойди ко мне...
Еще душа моя тебе постичь не может.
Но как же, мой Али... ах, как сказать весне:
«Ты скрой свою зарю, пускай жасмин не множит
Своих цветов». Могу ли запретить
Моей душе нестись к тебе, как птице к свету!
Али, как без тебя мне жить?
Как жить без тихого привета
Твоих лучей? Али, привыкла с детских лет
Я быть с тобой. Где ты — там Божий свет...

Али.

Хурет!

Хурет.

Могу уйти, могу... Но знать должна я,
Что ты живешь, Али, что здесь ты, на земле...
Что ты живешь, Али!

Баб.

Цветет страна иная!
Там встретимся с тобой. Не здесь, не здесь, во мгле,
А там, в иной стране, Хурет, тебя я встречу.
Я первый лишь уйду... Мгновение одно!
Пройдут года... И людям эти речи
Ты передай.
(Отдает ей листы, оставленные Гуссейном).

Заря глядит в окно...
Иди, Хурет моя... Иди, молю. Будь рада.
Без плача смерть мою встречай.

Хурет.

(берет листы).

Как ночь грущу,
Но вот листы твои! Али, я не ропщу!
За жизнь печальную великая награда.

(Прижимает листы к груди).

За жизнь печальную без света, без тепла.
Как ты уйдешь, вокруг настанет мгла,
И греть не станет боле
Светило дня. Но я... я буду жить,
Твоей покорна воле!
Ах, жемчуг слов твоих в одну сплету я нить,
Потом рассыплю их, и станет день светить,
И все вновь оживет. Цветок и травка в поле,
С горы ручей, и волн шумящий ряд,
Немые камни все, и те заговорят,
Али мой, о тебе, об этой чудной доле...
Стократ
Я буду слушать их! То будет мне награда.

Баб *(целует Хурет в уста).*

Хурет.

Али... Али... Али...

Баб.

Иди, моя отрада.
Настанет час, приду я за тобой,
С земною жизнью вот мой последний бой.
Я должен победить себя, чтоб был достоин
Увидеть Господа... Но я, я слабый воин.
Прости, Хурет, навек...

Хурет.

Али...

Баб.

Уйди, скорей... я жалкий человек.
(Раздается призыв муэдзина).

Баб.

В последний раз теперь я слышу эти звуки,
И точно слышу их теперь я в первый раз.
Печали в них слились земные все и муки,
О горестях земных в них слышу я рассказ...
Земли покинутой в них слышу я сомненья,
В них слышу страха стон... земли глухой укор,
Отчаянье, тоску, надежду и моление.

Моление, горькое моление.
С мольбой и я к Тебе мой направляю взор!..
За слезы, что лились через меня, мой Боже,
Ты на земле меня, мой Боже, покарай.
Пусть слезы те, мой Бог, мой Бог на смерти ложе
Не камнями падут. И Твой небесный рай
Пусть тучею они не скроют предо мною.
Настанет скоро день, и с суетой дневною
Шаги направляю я к последнему пути.
Пойду, пойду. Тебя я с трепетом надежды
Молю, меня и всех не за дела суди..
Сердца людей направь, открой им к свету вежды,
Дух кротости в сердцах их, Боже, разбуди..
Направь на путь добра и на стезю терпенья,
Дух гордости смири, огонь в них потуши,
Убей в сердцах детей навек змею сомненья,
Огонь земных страстей. Дай силы им души
Спокойно перенести страдания и муки,
Что сеют в мир Твои Отческие руки..
Без помощи детей Твоих не покидай;
Пусть кровом от беды им станут неба своды.
Зажги небесный свет. Творец, пускай народы
Стада немых зверей и сонмы птичьих стай
Без страха, колебаний
Направятся к нему. Ты путь их охраняй,
Избавь их, Боже мой, от бремени страданий,
Им руку помощи всечасно протяни!
А мне, о, Господи, мне ничего не надо.
От бледных уст моих, от бледных уст
Ты чашу отними... Сосуд мой пуст.
Все допил я до дна... Здесь не хочу услады.
Здесь смерть, там жизнь моя... Остаться здесь боюсь.
Скорее бросить прочь давящей жизни бремя.
Бегите вы, часы! лети, лети, о время!
Туда, в тот мир иной томительно я рвусь..
(Стоит с поднятыми вверх руками).

Явление IV.

Входит процессия. Мамут хан, Абдул, Салман, за ними стража, которая ведет обвиненных Сеидов: Гассана, Гуссейна, Ахмеда и Агга.

Баб.

Воистину взошла заря, и ночь бежала,
И день настал...

Мамут Хан.

Приказ суда, чтоб прочитал
Его решение и те начала,
Что привели к нему.
(читает).

Свершилось зло в стране подвластной шаху
Без совести, без страха
Мирзы-Али ученики
Подняли знамя возмущенья,
Чтоб описать ожесточенье
Безумцев, нет руки.
Страшнейшим бедствием движение сказалось;
Где мирно жители молитве отдавались,
Проклятья льются там
На головы князей и мулл. По городам
Несутся плач и стон. Нет никому пощады,
Как щепки, рушатся ограды.
Из тайников могил бросают мертвецов
Гиенам на съеденье.
Одно лишь чувство — мщенье
Горит в сердцах смутьян. Гонцов
Вот донесение опоре мира — Шаху.
Аллаху
Все ведомо. Шах повелел
Братоубийству скорый
Тут положить предел.
Чтоб трупов горы
Позорить не могли уж более страну;
Чтобы глаза его не видели позора!
Но прекратить войну
Возможно лишь, коль зло мы вырвем все до корня,
И смерти предадим бабидов всех;
Чтоб бунта призрака черный,
Чтоб возмущенный грех
Казались не милы — мы явно, не украдкой
Мученьям предадим бунтовщиков,
Чтоб больше грозных слов
Им говорить не стало сладко.

(Бабу).

Пред смертью своей не хочешь ли сказать
Два слова в оправданье,
И нет ли у тебя последнего желанья?
И есть ли у тебя отец, жена иль мать?

Баб.

(все время слушавший неподвижно).

Клянусь, как Магомет, лазурью неба чистой,
Светилом ясным дня, что светит надо мной,
Там есть прекрасный мир, божественный, лучистый,
И меркнет перед ним наш бедный мир земной...
И лучше, чем я, раб, то скажет вам иной,
Пред коим я — ничто... Небесное сиянье
Вот на челе его... Как свет благой, дневной,
Мглу озаряет он... Умолкнут все стенанья!
Пройдут лишь девять лет — все скажет вам иной...

Мамут *(не слушая Баба — Ахмеду).*

А нет ли у тебя последнего желанья?

Ахмед.

Я жить хочу, и я богат,
Отдам я все за жизнь. Служить я буду рад,
Кому захочешь ты: избавь лишь от страданья...
От смерти ты избавь меня, молю!
Я все отдам за жизнь мою!

Мамут *(Гуссейну).*

А ты скажи твое желанье!

Гуссейн *(тихо).*

Хочу я жизни дар, я жить хочу.

Мамут *(Гассану).*

А ты?

Гассан.

(выходя из состояния столбняка).

И я...

Мамут *(Агке).*

Вниманье окажем и тебе. Открой твои мечты.

Агка.

Лелею я в груди одно мечтанье:
К Али стоять лицом к лицу хочу в последний миг.

Мамут.

Тебя постиг.
Исполнится твое желанье!

Явление V.

Мирза является с двумя бумагами и подает Мамут Хану. Мамут Хан разворачивает прежде одну бумагу, потом другую, меньшую.

(Читает).

Мамут Хан.

Вот свыше приказанье:
«Остановить скорей
Все смуты.
Зачинщиков в стране моей
Казнить. Но снять с них казни путы,
Когда б они с раскаяньем пришли,
Хотя б то был и сам Мирза Али.
И лишь проклянет кто из них свое ученье —
Им дать прощенье».

(Бабу).

Мирза Махмед Али! Смиренно
Свое учение клянeshь ли в этот час?
И кто раскается из вас,
Получит жизни дар мгновенно.
Что скажет нам Мирза Али, иль Баб?

Баб.

Господень я смиренный, жалкий раб;
Сходили с уст моих одни Господни речи...

Мамут *(Агке).*

Что скажешь ты!

Агка.

Великого предтечи
Слуга до смерти я.

Мамут.

Получит жизнь и честь,
Кто пред народом всем захочет то прочесть,
Что здесь написано.

(указывает на меньшую бумагу, Гуссейну).

Так громко, как возможно
Читай! Ты близок был к нему
И знаешь лучше всех, как ложно
Учение его, и как уму
Оно противно. Вот, читай!
(подает ему бумагу).

Гуссейн *(дрожащим голосом читает).*

«Ученье

Пусть будет проклято, что нас ввело в обман,
Что повело нас на мученье,

Пускай рассеется, как злой туман!

Пусть будет проклят наш учитель,

Обманщик и губитель!

Пусть будет проклят он, Мирза Али!

Господь пошли

Ему терзанья ада.

Пусть двери перед ним Божественного сада

Закроются навек. Пусть будет проклят он,

В кипящую смолу пусть будет погружен.

Пусть будет проклят он,

Тьфу, тьфу, тьфу!

Агка.

Пускай бы я ослеп, чтоб этого позора

Не видел я, пускай бы я оглох,

Чтоб их не слушал я, мой Бог!

Баб.

Ты гневу не давай простора...

Тот видит дым, не свет,

Кто гнева зажигает пламень!

Любви прошу... даешь мне злобы камень.

Где злоба, правды нет.

Агка.

(Мягче, но еще исполненный гнева).

Сокровищ всех Шехеразады
Не надо мне.
Мне царских радостей не надо.
В аду гореть, в огне
Скорее я готов, чем на одной планете
Жить с этими людьми.
Меня с собой возьми!

Баб.

Клянусь, клянусь, клянусь, настанет царство света,
Погаснет жар огня, и ночь уйдет, и вновь
В короне из лучей, царицею одета
С небес далеких к нам сойдет она, любовь!..

Мамут.

(к начальнику стражи, указывает на дверь налево)

Бабидов тех, чей нам строптивый дух
Ни уговорами, ни наказаньем
Склонить не удалось, кто глух
Остался к нашим увещаньям —
Их повести вперед,
Воткнув им свечи в раны.
Чтоб видел весь народ,
Что правосудье есть в Иране.
Чтоб стало им светлей.
Учителей
Отсюда поведем: но кто из них проклятья
На площади опять прочтет,
Тому свободу дать и оказать почет.

Агка.

Все верными тебе остались братья,
И в этот трудный час
Изменников нашлось немного среди нас.

Баб *(с большой горестью)*.

Агка, Агка, Агка! Тут нет, тут нет измены!
От слов, что слышал ты, дрожали эти стены.
За сильных помолись и слабым пожалей!
Им в души, Господи, Твой свет небесный влей!
От слов, от страшных слов дрожали эти стены,
От слов, ужасных слов моя дрожала грудь!
От грома бедствия, что тучами носилась

И раздражалась тут, казалось мне, что чуть
Колоннам эти все земле не наклонились...
Там дети все Твои! Я, я весь потрясен —
Зачем же ты молчишь, о Боже Всемогущий?
Как реки, хоры звезд, цветы зеленой кущи,
Так этих всех людей, чей раздается стон,
Не я привел на свет! Они твое созданье!
(С большой силой).

Я, я весь потрясен пред видом злодеянья!
Зачем не отворишь от них ужасных бед?
(Молчание).

Узнаю там ответ...
(В забытьи).

Там, там узнаю все. На Божием престоле
Я вижу белый лист.
Начертана на нем строка одна, не боле,
И это аль Коран, велик и чист,
Что Некий принесет из тихой горней чащи.
Его проявит Бог... Его одежды край
Целую жарко я в лучах с небес светящих.
Придет он к вам, придет прекрасный и молчащий.
Среди смятения внесет в сердца вам рай.

(Подвергающихся мучениям бабидов проводят по сцена слева из тюрьмы через большую арку на площадь двора, где виднеется толпа народа и солдаты, окружающие место казни. Между бабидами находятся Цирюльник 1-й и Ассад).

Бабида (поют).

Пошлет Аллах и нам отраду,
Нас не покинет здесь Аллах,
Наш час пробьет на небесах!
Там все получим мы награду
За горе, муки на земле.
Забудем о холодной мгле!
Растает зло земного ада
Средь райского Господня сада!
Там отдохнем в тени, в цветах,
Там для души найдем отраду!
Наш час пробьет на небесах
Бог не оставит нас, Аллах!

Али, Аллах!

Баб.

(с большим вдохновением, громким голосом, точно желая, чтобы услышали страждущие).

Блаженны ждущие! Не ждущих всех прощай,
И от мучителей лица не отвращай!
(громко).

О, братья ждущие, блаженны вы, блаженны!

Агга.

(еще раз склоняется перед ним и целует подол его одежды).

Теперь лишь я постиг тебя, о Баб!

Баб.

Смиренный, жалкий я, Господень кроткий раб...

Нет, мы не пленны, мы не пленны!

Свободен и могуч

Наш дух бессмертный, дух нетленный,

Нам встречу блещет луч!

Али! Аллах! Хвалебных песен

Мы не устанем петь!

Для ждущих братьев мир здесь тесен,

Как рыбе пленной сеть...

Хвала Тебе! Хвала, о Боже!

Хвала тебе за то,

Что мир нам дан на смертном ложе!

Здесь — все... ничто... ничто...

(Мамут открывает шествие, за ним стража, за ней Баб и прочие).

Занавес.

Действующие лица

2-й картины V действия

Хурет.

Зейнеб.

Музафер.

Айваз, его друг.

1-й

2-й

3-й Из народа.

4-й

5-й

6-й

Женщина 1.

Женщина 2.

Отец.

Сын его — юноша 14 лет.

1-й воин.

2-й воин.

Слепой старец.

Мальчик.

Старик Сеид.

Богатый купец.

Торговец шербетом.

Торговец водой.

3-й

4-й торговцы розами.

5-й

Народ, женщины, подростки, слуги, солдаты и т.п.

Картина 2-я (В Тавризе).

Между первой и второй картиной этого действия проходят несколько часов.

Прилегающая к месту казни узкая улочка, перерезана переулками. Вдоль улицы деревья, около которых примостились лотки с цветами. Посреди улицы фонтан, из которого по гранитной ложбине вода стекает в виде ручья. Улица упирается в ограду Сарбазских казарм. У ворот густая толпа народа. Все обращены спиной к зрителям. Крыши домов по всей улице, особенно соседние к казармам, и самих казарм полны людьми.

Перед поднятием занавеса слышен ружейный залп. За ним раздается вздох, какой вырывается из груди многочисленной толпы, объединенной одним чувством.

Когда поднимается занавес, перед зрителем точно застывшая в оцепенении толпа. Проходит мгновение. За оградой раздается военная команда, какая принята после совершения казни расстрелянием.

В народе на крышах домов и на улице движение. Народ напирает на ворота с глухим гулом. В толпе и женщины, и подростки.

Часть толпы, ближе к авансцене, заметив, что Музафер, стоящий на крыше ближайшего дома, удалился в дом и затем вышел на улицу, окружает его. Когда он заговорил, толпа увеличивается.

Явление I.

Музафер.

Все кончено. Все, все. Большое стало чудо.

Народ.

Да, чудо, чудо...

Музафер.

Ференгов пятьдесят ударило по нем,

Нацелились в упор.

(показывает расстояние)

Как будто бы оттуда

Раздался залп.

Народ.

Аллах!

Музафер.

И дымом, и огнем

Покрылось место то, где он стоял для казни,

Привязанный к столбу, как голубь, чист и бел.

Исчезнул дым, он жив и без боязни,

Направился в толпу... Да, да... Остался цел.

И невредим, и цел!

(Пока он говорит, некоторые с крыш уходят в дома и выходят из них, направляясь в близлежащие улицы, или смешиваются с толпой тихо и важно говоря между собою. На крышах иные плачут, иных сводят в полубормороке. В толпе отрывочные фразы).

1-й.

Услышит Бог мольбу...

2-й.

Таков святых удел.

3-й.

Что делать здесь святым.

4-й.

Не заслужил он казни.

5-й.

Порвали путы лишь...

6-й.

Остался цел!

Музафер.

Веревки порвались... Спокойный и прекрасный

К народу подошел, все онемели вдруг,

Застыли на местах... Стояли все безгласны,

Как деревья вокруг.

(В толпе гул, в котором слились восклицания сожаления, возмущения, любопытства. К толпе подходят новые люди, сошедшие с крыш. Вокруг некоторых тотчас же образуются группы. Иные проходят в дома и переулки).

1-й.

Он говорить хотел...

2-й.

Красив, как месяц ясный!

3-й.

С землею счеты свел.

4-й.

Униженным был друг.

5-й.

И людям всем! Аллах!

6-й.

Что враг он был опасный —

Наветы низких слуг.

Старик Сеид.

Нет больше веры здесь на этом белом свете —
Решились расстрелять свои ж, Ислама дети,
Потомка Магомета.

Музафер.

Из низких лишь Ференгов полк
Свершил то святотатство.

Айваз.

Не надо б допускать! Коль было бы в нас братство —
Иной бы вышел толк...

Музафер.

Когда Ференг его схватил, потом обратно
К столбу его повел, народ молчал,
Стоял и глух и нем, как глыбы твердых скал...

1-й из народа.

Баб говорил ли что?

Музафер.

Да, да, невнятно
Он что-то все шептал.
(В народе снова проносится гул).

1-й.

Забыли об Аллахе,
Что Баба нам послал...

1-й (3-му).

И ты бабидом стал?

3-й.

Да, да, бабидом, да... Есть жизнь и в мертвом прахе,
Могуч страдальца дух. Я их не признавал.
Когда же Баб угас, так я бабидом стал.

Музафер.

Ференги тут его опять связали,
Как агнца, повели, прицелились опять...
(В толпе возгласы жалости).

Музафер.

Раздался снова залп, все стены задрожали!
Упал, как сноп. И стона удержатъ
В груди никто не смог: раздался стон печали...

4-й.

Но как стерпели мы? Как мог терпеть народ?

1-я женщина.

Он был Хаджи...

2-я женщина.

Хаджи...

3-й.

Из истинных Сеидов!

Музафер.

Народу ужасом сперва зажали рот.
Сначала вывели замученных бабидов!
Их выслали вперед.
Ручьем текла с них кровь... Но гимны, гимны пели!
От ужаса мы все тут онемели.
(*В народе тихое волнение*).

Музафер.

У всякого была одна забота,
Чтоб не подумали, что также он бабид.
Ах, вид замученных, их вид
К словам у всех отнял охоту...
Не доглядев ушли...
И многим стало худо...

Народ.

Аллах, Али, Али!

Музафер.

Что он остался цел, то было чудо, чудо!
Казнили и Агка. Его был ученик.

Айваз.

Ты видел ли? упав к его ногам, приник
В предсмертном содроганьи
Устами он, Агка...

Музафер.

Да, да... А три ученика
Избегнули страданий
Проклятьями. С их языка
Проклятья сыпались, укоры...

Айваз.

Не только стены тут, я думаю, и горы
Вдали дрожали все от них.
Народ был тих.
Но гневом и глухим презреньем
Их провожал. Есть чувство у людей...

Юноша.

(Взяв отца за руку).

Другой, что с ним погиб, и он злодей?

Отец.

Быть может, да, мой сын...

Юноша.

Терпеньем
И благочестием Господь дарит
Злодеев, как и нас?

Отец.

Да, да, мой сын, горит
Небесный свет для всех.

Юноша.

Отец, у лиходея
Не может быть очей таких.
Как будто бы во сне я
Все вижу, вижу их.
Проникли в сердце мне. Их век я не забуду!

Отец.

Забудь, мой сын, забудь.
(Оба останавливаются в тихо беседующей кучке людей. В другом месте под деревом остановились двое военных).

1-й военный (со слугами).

И можно ль не дивиться чуду.
(показывает на ограду).

От гнева бьется грудь.
Своею армией владея,
Стрелков мы не нашли, чтоб извести злодея:
Ференгов привели по нем стрелять!..

2-й воин.

Вы расспросите всю, всю правоверных рать.
Никто б из них не стал стрелять в Сеида,
Вновь к казни приводить спасенного бабида...
Но тот, кто из Ференг составил полк,
Мудрец из мудрецов и вышел, видно, толк.
Меж нас не будет больше розни.
Все козни —
Вмиг завершат они,
Ференги.
За деньги
Потушат вмиг в краю чужом огни.

1-й.

Я слов твоих не постигаю...

2-й воин.

Мое почтение к ногам твоим слагаю.
Не стоит размышлять о них.
Есть много дел других...
(Проходят дальше).
(Под руку ведут старика).

1-й (в толпе).

А это кто? Отец?

2-й.

Не знаю я...

Слепой старик (с разбитой арфой).

Мальчик еле-еле удерживает его, останавливаясь у бассейна).

Постой немного.
Постой... Не гнутся ноги.

Некто (из толпы).
Но чем помочь тебе?

Слепой старец.
Ничем, мои друзья,
Мне уж помочь нельзя.
Домой, домой, скорей. Объяли джина сети
Нас всех... и стали вдруг все старики, как дети.
(плачет).

Юноша (у отца).
Коль не был он злодей,
Так отчего казнен?

Отец.
Он меж людей
Посеял смуту, злодеянья
И заслужил он наказание.

Юноша.
Но друг наш тут пред нами говорил,
Что речь его была белее, чище снега...

Отец.
Не сократил он бега
Своих речей: вот что, вот преступленье в чем.
Катится снега ком
И бел, и чист, пока не скатится в долину...
Растает там в пыли,
Потоком грязным он уносит все в пучину.

Юноша.
Так непонятно все. Аллах, Али!
Но есть снежинки гор высоких
В потоках.
Их пыль дорог грязнит.
Его мы сами загрязняем.
Когда течет поток по камню чистых плит,
Он чист; то мы в него все грязное роняем.

Отец.

Что мне сказать тебе...

Юноша.

Ты в Кербеля

Меня отправишь, да? Поедешь сам. Узнаем

От мудрецов святых, — чем держится земля.

Что видел я сейчас, все странно так, родитель...

Ах, если б я понять все мог...

Когда в моем саду растет цветок,

Его я берегу... Неужто Вседержитель

Прекрасные цветы... Нет, нет, Он не жесток...

Покинут так! Не Он... То люди злы, родитель?

Отец.

Пойдем, Он не жесток...

Юноша.

Нет, нет, еще остаться

Позволь мне здесь, отец... Я б все туда глядел...

В убийственном огне он все ж остался цел!

Всем не могло казаться...

К народу подошел... Он поднял так глаза...

С моими встретился глазами.

Стрела, что на земле бросает в нас гроза,

Не так проникнет в грудь, как он лучами

Своих очей мне грудь пронзил, отец!

Отец.

Пойдем.

Юноша (плачет).

Мне жалко так, мне жалко!

Отец.

(тоже расстроен. Некоторые лица из толпы отделяют его от сына. Отец своему собеседнику тихо).

Кровопролитию настанет ли конец?

О двух концах острейших палка

Такая казнь! Мой сын... Щемит от страха грудь!

Явление II.

(Широко открываются ворота. Оттуда выходит толпа знатных лиц со слугами).

Богатый купец.

Иначе как-нибудь,
Иначе потушить восстанье было надо!
Не будет нам добра
От казней всех. Пора опомниться, пора...
Мы обратились все теперь в немое стадо,
В нас чести нет.
Окаменели мы...

(С боковых улиц являются торговцы и вполголоса предлагают).

1-й торговец.

Шербет...

2-й торговец.

Вода со льдом!
(С лотков предлагают).

Вот розы из Ширази.
Для обоняния отрада и для глаза.

Продавец шербета.

Шербет! Шербет!

Явление III.

Хурет входит из ворот. Зейнеб в некотором отдалении за ней.

Юноша (у Музафера).

Скажи мне, кто прекрасная та дева?
Откинута чадра.
Она его сестра?
(Из ворот еще выходят двое).

Первый.

Какие нам плоды взойдут из их посева?

Музафер.

Не знаешь Тагирэ? Хурет?

Чистейшая она. Очей прекрасный свет...

(в толпе).

О, Тагирэ... Хурет, Хурет!..

Хурет.

Там, у позорного столба,

Лежит он бездыхан... Свершилася судьба...

Пойдемте, сестры все... Как месяц ясный,

Лежит он бледен тих...

О, сестры, прах его безгласный

За золото купила я у них.

Купила прах Агки. И оба праха наши...

Там, там они лежат. Всех в мире этом краше,

Как агнец кроткий, Баб... У ног его Агка!

Ах, гнева мощная рука

Их там повергла ниц... Пускай любви светило

Теперь их вознесет!

Из пламенных лучей венки для них сплетет!

Рука мужей две жизни сократила...

Мы жизни их продлим... Им, сестры, алтари

В сердцах людей устроим...

Когда последний луч зари

Погаснет на земле, и вновь блестящим роем

Светила тихие зажгутся в небесах,

Могиле предадим их прах.

Все.

Али, Али, Аллах.

Хурет.

Мы будем плакать над курганом

Вечернею порой,

И слезы благостным туманом

Взойдут над ним. Пойдем, сестрица за сестрой,

Теперь мы к ним пойдем. О, женщины Ирана,

В крови они лежат. Их кровь из каждой раны

Мы оботрем чадрой,

Ланиты их омоем

Росою наших слез,

И пологом покроем

Из роз, ширазских роз!..

Свершилось дело гнева.

Зейнеб.

(В это время покупает с лотков розы и передает Хурет и собравшимся женщинам).

Хурет.

Свершим любви завет.

И свет ее зажжем, ее чудесный свет,

Мы, женщины и девы!

(Показывает на фонтан).

Как тихая струя, прозрачна и чиста,

Ушла и жизнь его... Погаснули навеки

Прекрасные глаза... Умолкнули уста:

И не польются вновь в пустыне жизни реки

Его небесных слов. Шираз, родной Шираз!

Нет сына твоего! О, лейтесь, лейтесь слезы!

В короне родины прекраснейший алмаз

Исчез навек! В чадры возьмите розы,

Пойдем туда, туда...

На темных небесах, — о лейтесь, лейтесь слезы...

Погаснула волшебная звезда!

Юноша тоже берет несколько роз и уходит за женщинами. Когда процессия женщин и девушек направляется к воротам, оттуда с барабанным боем выходит взвод солдат. Женщины останавливаются и, когда солдаты исчезают в переулке, процессия входит в ворота. Народ, оставшийся на крышах, следит за происходящим. Многие хотят направиться за Хурет, но ворота со звоном запираются. Многие женщины, по примеру Хурет, откидывают чадру и тихо плачут.

Занавес.

Конец.